

О. В. Кириченко

Российское цивилизационное пограничье

Государственное пограничье может нести разную этнокультурную нагрузку. Границы отражают специфику каждой страны. Большинство стран принадлежат к категории политических держав, и границы у этих средних по размерам государств, как правило,monoэтничных, тоже будут национальными и, следовательно, чисто политическими.

Более редки государства, имеющие статус цивилизаций, для которых характерно широкое, не сводящееся к этническому понимание границы. В наше время цивилизационный статус в силу некоторых исторических причин стал приобретать решающее значение. И как бы политические державы ни ценили свою политическую монолитность, ситуация такова, что и *центр*, и особенно *границы* в политических державах в наше время должны жить совершенно по новым — не жестко политическим законам, а по другим — гибким, каким жили всегда цивилизации. Глобалистские тенденции, на наш взгляд, связаны с созданием новой модели межгосударственных отношений. Эта модель, выстраиваемая на наших глазах, и представляет собой создание нескольких крупных цивилизаций взамен множества мелких и средних стран. С одной стороны, подобный динамичный процесс направлен на более эффективное взаимодействие отдельных стран (экономический, финансовый интерес), а с другой — не меньшая его цель в созидании нового пограничья, чтобы избежать межэтнических конфликтов. Для этого современные государства вынуждены прибегать к опыту цивилизаций.

Вслед за Соединенными Штатами европейские страны сегодня задают тон в этом движении к глобализации через форсирование цивилизационного пути. Цивилизационная трансформация для Европы — единственный путь сохранения европейской идентичности и решения (хотя бы

формального) вопроса о межэтнических противоречиях. Переход к единому полиэтническому пространству жизненно необходим для Европы, и на наших глазах происходит не только создание новых политических форм объединения, но и делаются попытки объединения народов Европы на базе цивилизационной идеологии.

Эти новые политические образования, созданные по образу цивилизаций, являются не органическими, а искусственными системами, так как способы их образования и поддержания цивилизационного состояния принципиально отличаются применением специальных политтехнологических практик и информационных технологий. Политические структуры здесь создают видимость того, что они отражают интересы всего общества — *народа* — и защищают декларируемые им ценности; что они необходимы и естественны как часть демократического государства. На самом же деле область политического бытия в этой системе является самой ненужной, самой необязательной частью жизни. Вся власть принадлежит экономике, и именно экономика на Западе является и политикой, и реальной политической сферой. Как и в США — стране уже умудренной опытом построения цивилизации, в государствах Европы новая политическая сфера создается для полупристских целей. Игра в политику выходит на уровень большого глобального проекта.

Иным путем создается *органичная или естественная цивилизация*. Первое и самое важное, что характеризует органическую цивилизацию, — это ее не-политический, не-государственный характер образования. Она — не государственный организм, каким, скажем, является империя, а особого рода *социум*. Цивилизация есть особая форма организации социума — народа, который ее создает, и народов, которые в нее

входят. Но на этапе своего взросления, своего вызревания, цивилизация (если народ, создавший государство, способен выполнять важные миротворческие функции среди других, меньших по числу населения народов) начинает вырастать до государственных, политических границ. Это выгодно и государству, так как политические границы расширяются, и народу, поскольку вместе с государственными решаются и цивилизационные задачи. Государство-империя не то же, что государство-цивилизация, хотя границы их в России были одинаковы. Но всегда существовал небольшой зазор, между государственным и цивилизационным — *народным* — интересами. Народный интерес — *мир, покой*, а дело государства — *порядок и закон*. И хотя разница в стратегии достижения цели существовала всегда, но также всегда в православной России происходило незримое переплетение интересов и даже смыслов того и другого. Народ готов был зачастую не за страх, а за совесть поддерживать закон и порядок (о чем говорят нормы крестьянского обычного права и порядок народного судопроизводства в дореволюционной России). Православное российское государство, в свою очередь, стремилось, когда это было возможно, поддерживать «мир и покой» как государственную идеологию («православие, самодержавие, народность»). Итак, цивилизация — это миротворческая структура, где мир достигается за счет религиозной духовности.

Большая часть крупных государств в мире по определенным причинам (религиозного характера) не становилась цивилизациями¹, хотя порой обретала имперский статус. Империями их делали только государства, но не народы. Отметим, что в прошлом у Европы был шанс стать органической цивилизацией, еще в период Византийской цивилизации, до разделения Церквей на Восточную и Западную, но Западно-Римская империя выбрала тогда иной путь. Это путь этнического самоопределения и церковной обособленности. Народы и государства этого региона были едины лишь в приобщенности к античному наследию, ведь даже католичество не смогло сделать их едиными. Произошло это в силу главным образом духовных, религиозных причин и, прежде всего,

той, что в Католической Церкви *клир и мир* были разделены глубокой пропастью, а в протестантизме *народ Божий* вообще перестал существовать как целое. Европейская культура в период Возрождения стала единой, а вот политический мир таким органически единым не стал. Вот почему цивилизация в Европе не поднялась выше уровня культуры (художественная культура, образование, наука) и, по сути, не стала цивилизацией в полном смысле этого слова. В Европе хотя и выросла своя оригинальная и по многим характеристикам более выдающаяся, чем православная, *культура*, но она не имела такой силы единения людей, хранения мира.

У искусственной цивилизации нет главного цивилизационного капитала — конкретной религиозной духовности и нет этничности, облечённой в цивилизационные одежды. У России — это православная духовность, у Китая — конфуцианская, у Индии — индуистская². Но какую духовность имеет сегодня Европа в результате создания единого экономического пространства? Ведь она отказалась при написании Конституции ЕЭС упоминать христианство в качестве фактора базовой европейской идентичности. Европа говорит о *европейскости* как цивилизационном капитале, но это нечто неопределенное. Европа пошла тем же путем, которым два столетия идут Соединенные Штаты. Они первые пришли к идее создания искусственной цивилизации в тот период, когда становилось ясно, что идея колониальных империй себя изживает. И американцы начали создавать цивилизацию в основу которой была положена *неопределенная, или светская духовность* — «американскость». Что это такое определить трудно: к демократии это не сводится, в свободе тоже, к этническому котлу, в котором переплавились десятки этносов — тоже, потому что органичной переплавки в реальности так и не произошло³.

Американскость чаще всего обозначают туманным выражением «американская мечта», и это выражение будет самым верным. США — это общество, живущее по закону траектории социальной мечты. Европа цивилизационно объединена только культурой, чего нельзя сказать о США, поскольку это молодое государство,

¹ Мы не сторонники той точки зрения, что весь мир (прошлого и настоящего) можно поделить на цивилизации, как это делает, например, Хантингтон.

² Именно так поставил вопрос основоположник цивилизационной теории Н. Я. Данилевский в работе «Россия и Европа» (М., 2004), выделив типы цивилизаций. При этом сама проблема «цивилизация — варварство», как справедливо замечает С. Хантингтон, была поставлена французскими историками. «Семирамиду» А. С. Хомякова можно отнести к предыстории осмыслиения этой темы, несомненно, повлиявшей на Н. Я. Данилевского.

³ Тишков В. А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003. С. 106.

выросшее на протестантских дрожжах. В то же время сила и мощь Америки не позволяет отказать ей в статусе цивилизации. Тем не менее, органическая цивилизация здесь не была создана, цивилизационное развитие остановилось на экономической ступени, а достижение цивилизационно-политических границ стало делом искусственного форсирования со стороны армии и государства. М. Вебер совершенно справедливо говорил, что энергия протестантизма вся ушла на организацию американского капитализма.

Создание цивилизаций — процесс насущный и повсеместно осознанный. Но страны, где цивилизация на политическом уровне имеет искусственный характер, стараются представить их модель как единственно правильную. Государства, сохранившие статус естественных цивилизаций (Россия, Китай, Индия) испытывают колоссальное давление со стороны сверхдержав — США и Евросоюза, старающихся дезавуировать факт их естественной цивилизационности и направить их развитие по пути развития искусственных цивилизаций, по своему образу и подобию.

Для этого Россия должна взять за основу формирования политического самосознания народа принцип *неопределенной идентичности* социального характера — российскость. С одной стороны, российскость можно представлять как гражданскую идентичность, как главный определятель гражданского сообщества (то, что ошибочно называют нацией) в стране Россия. Какой сверхсоциальный компонент может выдвинуть Россия, чтобы обозначить сущность цивилизации, которую ей предлагают строить? На этот счет пока нет четких предложений и нет единомыслия у тех, кто разрабатывает эту программу. Одно лишь для них ясно: религиозный фактор нельзя класть в основу *искусственной* цивилизационной идентификации. Поэтому в целом все предложения этой группы ученых сводятся к созданию модернизированной модели «дружбы народов», что на деле будет означать экономически прагматичный союз когда-то «дружных» народов. В этом случае *российскость* будет означать деловое партнерство всех народов России. Отсюда же вытекает и *братско-прагматичный* союз с Украиной и Белоруссией. Современных политиков не удивляет это противоречие, ведь прагматизм исключает братские отношения.

Не следует забывать о том, что Россия — уже состоявшаяся страна-цивилизация. Не империя, не православная монархия, не Советский Союз, а православная цивилизация! Если еще быть точнее — русская православная цивилизация и, как все цивилизации, — многоэтничная и поликонфессиональная. В китайской цивилизации при том, что в основе ее цивилизационной идентичности лежит конфуцианство, существует такая же полиэтничность и поликонфессиональность.

Россия имеет цивилизационную структуру, как органическое явление, и в этом случае мы обладаем колоссальным ресурсом, которого не имеют ни США, ни Европа. Искусственная цивилизация, как и любой искусственный организм, требует огромных сил для поддержания цивилизационного уровня развития; у нас же цивилизация есть как достижение прошлого!

Цивилизация на пограничье — тема нашей статьи. Со второй половины XIX в. о цивилизации писало много авторов, начиная с русских (А. С. Хомяков, Н. Я. Данилевский), затем в XX в. были О. Шпенглер, Ф. Бродель, А. Тойнби, С. Хантингтон и целый ряд других западных исследователей. В конце XX в. вышел известный труд русского автора евразийца А. С. Дугина⁴. Понимание цивилизации у русских и западных авторов различается. У первых основное внимание уделено месту России в цивилизационном процессе, ее роли медиатора — посредника между Западом и Востоком. Н. Я. Данилевский явно подчеркивает миротворческий характер цивилизационной деятельности России («удел России — освобождать и восстановлять»⁵), но говорит о внешнеполитическом характере этой деятельности. На этой же миссии России останавливается и А. С. Дугин в своем труде.

Из книг, получивших в последние годы наибольший резонанс в мире, выделяется работа американца С. Хантингтона. Этого автора более всего интересовал межцивилизационный аспект — пограничье цивилизаций. Но он исследовал также истоки межцивилизационных конфликтов, происходящих, по его мнению, из-за разницы религиозных традиций, лежащих в основе каждой цивилизации⁶. Между тем, в лице этого популярного историка цивилизациологии, на наш взгляд, окончательно вошла в область неразрешимых противоречий, причина которых кроется в отсутствии общих принципов, сближающих

⁴ Дугин А. Г. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. М., 1997.

⁵ Данилевский Н. Я. Указ. соч. С. 340.

⁶ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций М., 2003.

цивилизации между собой, а не удаляющих их друг от друга. Необходимо обратиться к тому материалу внутри цивилизации, который делает ее объективно положительным явлением, жизненно необходимым для ее народов. С этих общих позиций мы и будем вести наше исследование.

О проблеме русского этнического пограничья, хотя и не в цивилизационном контексте, писали не только политологи, но и этнографы. Работа Л. Н. Чижиковой о русско-украинском пограничье была новаторской для своего времени⁷. Автор говорила об особой *культуре* пограничья, о существовании особых этнических маркеров — одежды, языка и в меньшей степени — устного народного творчества и различных обрядовых комплексов. Т. А. Листова в своих работах, посвященных русско-белорусскому пограничью подняла важный вопрос о *связующей роли* пограничья. Оно не только разделяет, но и связывает народы и их традиции. Автор отмечает, что на пограничье «роль христианских постулатов и христианского учения слабее», чем в центре⁸. В современной этнографии, посвященной вопросам пограничья выработалось понятие пограничной ойкумены, как места с особой культурой, этничностью и даже религиозностью. К числу самых последних заметных трудов по культуре этностереотипов следует отнести книгу слависта М. В. Лескинен⁹, в которой обстоятельно исследованы образы поляка и финна в глазах русских (ученых, писателей, народа). Автор показала, что образ конкретного народа — *другого* — складывается в сложной динамике и переплетении обыденного, научного, образно поэтического и зависит от многих исторических реалий.

Наш первый тезис — граница цивилизации имеет сложную структуру. Для обозначения ее мы будем пользоваться понятиями, взятыми из разных наук: этнологии, культурологии, политологии. «Лимитроф» — одно из таких емких понятий, недавно возникших и пришедших к нам из политологии¹⁰. Но мы будем им пользоваться в

этнологичном дискурсе, несколько с другим значением. Во-первых, для нас цивилизация — это все-таки конкретное, а не размытое понятие. Цивилизационный подход к проблеме пограничья также может подразумевать внутреннее и внешнее пограничье, но в нашем исследовании мы ограничимся только внутренним. Для нас лимитроф — это большая или меньшая по территориальному охвату цивилизационная *культурная среда* на предгранице цивилизации, которая представляет цивилизационную духовность в сублимированной (социально, культурно, религиозно) форме. Культурная среда — это своего рода гумус, почва для роста всех, кто включается в ее пределы, и одновременно это буферная зона по отношению к пограничной цивилизации или к государству.

Поскольку главной цивилизационной силой является народ, объединенный в одно целое несколькими скрепами — религиозной духовностью, социальным фактором и этничностью, то следует предварительно подчеркнуть, что этничность на пограничье одета в культурные и духовные одежды, и поэтому она лишена возможности выражать себя жестко и резко. Народ на цивилизационном пограничье — это не жесткая этническая конструкция, а мягкая и неагрессивная зона взаимодействия, что в то же время не исключало и необходимых силовых действий с его стороны. Современный мир столкнулся с трудноразрешимым противоречием: с одной стороны, экономика стала невообразимо быстро сближать все государства на земле друг с другом, с другой стороны, многие народы и традиции оказались не готовы (в том числе Европы и США) на этническом уровне к новой близости отношений. Опыт *органических* цивилизаций показывает, что проблема эта разрешима только в рамках создания таких социально-политических макроструктур. Но то, что делают Соединенные Штаты и Европа, напоминает копирование лишь внешней цивилизационной формы задействования механизмов органической цивилизации. Лишь

⁷ Чижикова Л. Н. Русско-украинское пограничье. История и судьбы традиционной бытовой культуры (XIX—XX вв.). М., 1988.

⁸ Листова Т. А. Семейные обряды русско-белорусского пограничья в контексте этнополитической истории XIX — начала XXI в.: Автoref. дис. ... канд. ист. наук. М., 2006. С. 38; Русско-белорусское пограничье: Этнологоческое исследование. М., 2005.

⁹ Лескинен М. В. Поляки и финны в Российской науке второй половины XIX в.: «другой» сквозь призму идентичности. М., 2010.

¹⁰ Автор термина — современный историк С. Хатунцев, который взял его из политической истории Древнего Рима. Лимитрофом там обозначались пограничные районы «с особым режимом и статусом, иногда двойным подчинением, через которые Римская империя соприкасалась с чужеродным миром, выборочно втягивая его в сферу своего адаптирующего воздействия». См.: Хатунцев С. Новый взгляд на развитие цивилизаций и таксономию культурно-исторических общностей // Цивилизационный подход к истории: проблемы и перспективы развития. Воронеж, 1994. Ч. 1.

органическая цивилизация реально решает проблему межэтнического взаимодействия, не используя силы принуждения или жесткие правовые механизмы. Это важнейший вопрос современности.

В конце XIX в. представители интеллигентии резко критиковали российское правительство за то, что больше внимания и средств уделяется российскому пограничью, чем центру: на окраины направлялись лучшие чиновники, там больше строилось школ, социальных учреждений, да и гражданских прав, как правило, у населения было больше. Публицист Василий Розанов в 1898 году писал по этому поводу: «Мы на окраины высылаем орлов, ввиду „трудных и тонких политических задач“. Имена Воронцова, Барятинского, Ермолова, Гурко, Кауфмана, Черняева суть имена общей русской славы: это люди всероссийского таланта и значения, которые посланы были приложить вечно деятельный ум и несокрушимую энергию на окраины». И другая цитата того же автора: «Если бы людей такой энергии, закала и ума, как покойный Гурко, высыпали не в Варшаву, а посыпали в Москву, если бы Апухтин работал не на Висле, а на Волге, может быть, не было у нас упадка „центра“. Но у нас высыпали на окраины орлов, а для внутренних губерний оставляли галок и ворон... С давних пор, например, кавказский учебный округ есть один из самых лучших, самых деятельных и самых культурных в целой России в чисто педагогическом отношении... В то время как гимназии внутренних губерний России, какой-нибудь Костромской, Владимирской, Орловской оставались совсем без центрального надзора и призора, — польские гимназии были под самым деятельным надзором, который, прежде всего, имел результатом подъем учебной энергии, успешность занятий, интенсивность учительской работы»¹¹.

Проблема высвечена наглядно, но, несомненно, односторонне. Причина преобладания центробежного, а не центростремительного развития русской православной цивилизации в ее православной, христианской направленности. Поэтому мы предлагаем шире и глубже взглянуть на проблему окраин России — с позиций Христова служения русского народа другим народам (как об этом писал Ф. М. Достоевский в «Дневнике писателя»¹²), а не только узко политически и куль-

турно, как это делал в. В. Розанов, оценивая причины «государственной близорукости» российской власти. Это служение сводится к евангельской истине: «Кто хочет быть первым, пусть будет последним для всех». Образ Христа, умывающего ноги Своим ученикам и потом умирающего за них и за весь род человеческий, несомненно, главный образ такого жертвенного служения.

Вместе с лучшими государственными деятелями на границы России шли и лучшие сыны Православной Церкви. Не случайно из числа лиц, живших в XIX в. и ныне прославленных РПЦ, большинство принадлежало к категории миссионеров — людей выполнивших апостольский подвиг просвещения в Сибири, на Дальнем Востоке, Аляске, в Японии, Корее, Китае, США (святители Филофей Лешинский, Иоанн Максимович, Иннокентий Иркутский, Софроний Иркутский, Иннокентий Вениаминов, Николай Японский, патриарх Тихон, преподобные Герман Аляскинский, архимандрит Макарий Глухарев Алтайский и т. д.). Значит, окраины не только заслуживали такого пристального внимания, но и настоятельно требовали его. Да и народное участие в цивилизационном движении на окраины нельзя оценивать как исход из центра социальных маргиналов. Напротив, зная о выдающейся роли казачества на окраинах, мы вправе говорить, что сюда шла высокопассионарная часть общества и со стороны народной массы. Крестьяне, промышленники, дворяне, селившиеся в Сибири, Оренбуржье, Кубани, Северном Кавказе, Казахстане и Туркменистане, своим деятельным сельскохозяйственным, организационным, промышленным, военным и гражданским трудом изменили лицо этих регионов и создали предпосылки для равноправного существования местных народов в жизни российского государства. В цивилизационном контексте по-иному выглядит и активное заселение пограничья старообрядцами, потом — сектантами. Старообрядцы большей частью перебирались на восток, запад и юг сами, а сектантов переселяло правительство (в Закавказье), как представителей русского крестьянства, т. е. с цивилизаторскими целями.

Цивилизационное пограничье имеет сложную структуру. Мы уже упомянули о лимитрофе — духовно-культурном и хозяйственном пространстве. Кроме лимитрофа на пограничье

¹¹ Розанов В. В. Белорусы, литовцы и Польша в окраинном вопросе России // Нация и империя в русской мысли начала XX в. М., 2004. С. 129.

¹² Достоевский Ф. М. Восточный вопрос. Дневник писателя за 1876 год. Май—октябрь. // Достоевский. Ф. М. Полн. собр. соч. Т. 23. Л., 1981. С. 45.

существовала четкая пограничная линия, которая менялась по мере политических перемен. Эту политическую линию мы обозначим термином, известным из американской истории — «фронтир», то есть подвижная *политическая граница*¹³. Фронтир — политическая граница цивилизации¹⁴, отличающаяся от обычной политической границы подвижностью.

Таким образом, цивилизация, в отличие от обычного государства, имеет на границе лимитроф и фронтир — культурную среду и политическую подвижную границу. Но это только общая посылка, в то время как цивилизационная конкретика указывает на большое разнообразие форм лимитрофа и фронтира, причем даже в пределах одной цивилизации. Скажем, на востоке Российской империи была одна цивилизационная среда, на юге другая, на севере — третья, о чем подробнее мы скажем ниже.

Цивилизационная сила и потенциал христианства огромны. Евангелие — Новый Завет, уже звучит как «благая весть», что предполагает распространение, расширение этой вести. Первыми учениками Христа являются апостолы — те, кто был призван к распространению благой вести по миру. Ни одна религия с такой мощью и размахом не расходилась по миру, и в то же время ни одна религия на земле не встречала такого ожесточенного сопротивления, которое длилось около трех веков, пока император самой могущественной в мире империи не признал истинность христианской веры. Но церковные пути Запада и Востока разошлись, как разошлись и пути понимания благовестия. В этом смысле Западная Церковь отказалась не только от канонического христианства, но и от особой цивилизационной миссии христианства в мире, чем чрезвычайно уменьшила его территориальные пределы. До России яркий пример православной цивилизации являла Византия; после ее падения под ударами турок-османов в 1451 г. начинается цивилизационный путь России.

Это движение в России начинается с XVI в., когда удалось решить две важнейшие проблемы: в государстве утвердился единодержавный монархический образ правления (был цивилизационно построен и укреплен Центр) и были разбиты Казанское, Астраханское и Сибирское ханства как деструктивные силы, вносявшие хаос в поли-

тическую жизнь подвластных народов на южном и восточном пограничье. Мы рассматриваем разнотнические кочевые племена Центральной Азии как производное явление Китайской империи, ее социальное и культурное пограничье. Империя настолько активно влияла на кочевников — держала их при себе или, наоборот, влияла на их концентрацию и на возможность эскалации, — что можно говорить о тесном многовековом единстве этих сил¹⁵. Золотую Орду — империю Чингисхана — следует рассматривать как прямую наследницу многовековых стражей китайской цивилизации. На короткое время цивилизация была поглощена кочевой империей, но очень скоро Китай стал свободным, когда Орда стала распадаться. Пока в Орду не пришел ислам, пока сохранялась тесная связь с породившей ее цивилизацией, у монгольских правителей сохранялось цивилизационное, надэтническое отношение к завоеванным народам. Но как только в империи стали складываться иные реалии, Русь почувствовала жестко этнический характер владычества кочевников, и вопрос свободы, стал проблемой физического выживания русских людей. Процесс создания цивилизации в России был неотделим от разрушения тех политических образований кочевников, которые превратились в паразитические организмы, живущие грабежом и насилием.

XVI в. был для России подготовительным, а XVII стал временем действия, когда в результате стремительного движения вперед в одно столетие страна обрела контуры цивилизации: освоила Поволжье, Север, Урал, Сибирь, Дальний Восток на востоке, вышла к границам Закавказья на юге, а на западе включила Украину в свое подданство. Четкость и определенность политических границ была подкреплена соответствующими договорами. Принципиально важным был Нерчинский договор с Китаем в 1689 г., потому что Россия в этом случае заключила не просто очередное дипломатическое соглашение, а договор о границах с другой цивилизацией. Этот был первый межцивилизационный политический договор о границах. Именно Нерчинский договор можно считать правовой точкой отчета существования русской православной цивилизации.

Восточное направление для России оказалось самым плодотворным и перспективным и в территориальном смысле, и в культурном, т. е. именно

¹³ Frontier (англ.) — «пограничный». Термин был введен в научный оборот в начале XX в. американским этнографом Ф. Д. Тернером.

¹⁴ Дегоев В. В. Кавказ и судьбы российской государственности (мысли по случаю) // Россия XXI. М., 1999. С. 5–6.

¹⁵ Барфилд Т. Опасная граница. Кочевые империи и Китай (221 г. до н. э. — 1757 н. э.). СПб., 2009. С. 13, 100, 174–176.

в цивилизационном. Ведь цивилизация означает включение в свое духовно-культурное поле иных народов, не имеющих государственности и рационалистически сублинированной культуры, всего того, что мы связываем с наследием греко-римской античной культуры и наследовавшей ей (в способах организации территориального пространства) — христианской¹⁶.

Киевская Русь и Московская Русь еще не были цивилизациями. Само понятие *Rossia* появляется в XV столетии и широко распространяется в XVI в.¹⁷ В отличие от имперского завоевания (напомним, что Россия пришла в Сибирь не при Петре I, когда была провозглашена империей, а раньше), цивилизационное продвижение строится на трех равно значимых и почти одновременно действующих силах: народе — носителе этничности и культуры; государстве, которое гарантирует законность всем народам на новой территории; и Церкви, как оплота веры и нравственности. В Поволжье, на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке в течение XVII столетия так и происходило: одновременное действие этих трех факторов привело к успеху.

Китайский император не случайно признал в 1689 г. факт русской границы. Его убедили не военные отряды казаков и стрельцов на Албазине, а убедила созданная к этому времени вся социальная, хозяйственная, политическая и церковная инфраструктура на порубежье. У китайской империи было свое понимание границ империи, и этот — цивилизационный — аргумент стал решающим. А ведь русские отряды в Приамурье, опиравшиеся на ряд острогов, даже не дошли до исконно китайской границы почти 800—1000 км¹⁸. Китай видел свои внутренние границы на уровне Ивового Палисада, далее была лишь сфера влияния империи. Тем не менее, китайцы заволновались, когда появился Албазинский острог, и началось русское освоение Приамурья. Военные стычки и даже экспедиции ни к чему не привели, и вслед за этим был заключен Нерчинский договор.

Интересно отметить, что цивилизационные границы в XVII в. Россия устанавливала не только на востоке, но и по всему географическому периметру: на севере наблюдалось небывалое, обильное строительство монасты-

рей в дополнение к имеющимся. Самые крупные и значительные из них одеваются в каменные крепостные стены. На юге устраивается несколько сплошных, тянувшихся от Белгорода до Воронежа засечных черт. От набега крымских татар границу охраняли служивые люди «окраинных городов». Здесь находились так называемые *сторожи* — наблюдательные пункты за татарскими *сакмами* — дорогами передвижения татарской конницы¹⁹.

Обратимся далее к конкретным фактам: что было сделано в XVI—XIX столетиях на востоке (в Поволжье, Сибири и на Дальнем Востоке), юге (Северном Кавказе) и западе (на Украине, в Литве, Латвии, Эстонии, Белоруссии).

Поволжье и Урал. Очень интересен цивилизационный опыт заселения русскими Поволжья. Из поволжских народов мордва, чуваши, марицы, удмурты уже в XVI в., после завоевания Казани и укрепления новой территории вновь образованными крепостями, вошли в близкое соприкосновение с русскими крестьянами, активно расселявшимися здесь. Государству пришлось несколько раз усмирять недовольство местной элиты, но постепенно, когда народы Поволжья увидели, что закон стоит на их стороне, они успокоились. Правительство брало под защиту традиционность каждого из народов: русским купцам нельзя было охотиться на ясачных землях, запрещалось превращать инородцев в холопов (крепостных). С той же целью ограничивалось общение инородцев и русских в городах (чтобы последние не учили местное население пить вино и курить табак). Земли инородцев были защищены государством от перехода в другие руки. Государство получало с инородцев подать, а также рекрутов (с XVIII в.), обеспечивая личную свободу и поземельную собственность. Именно государство создало условия для того, что русские крестьяне, селившиеся рядом с народами Поволжья, не выглядели врагами в их глазах. Из русских здесь могли присутствовать только служилые и тяглые люди, т. е. крестьяне.

Посадские люди, монастырские и владельческие (помещичьи) крестьяне были здесь колонистами. Крестьяне с самого начала замирения этого края стали селиться не в сторонке, а

¹⁶ Кириченко О. В. Традиция с позиции православного мировоззрения //Научный православный журнал Традиции и современность. 2007. № 7. С. 3—40.

¹⁷ Русские. М., 1999. С. 26.

¹⁸ Китайская стена обозначала коренную границу Китая, за которой начинался варварский мир. См.: Барфилд Т. Указ соч. С. 77.

¹⁹ Никулов А. П. Оскольский край. Старый Оскол, 1997. С. 111.

продвигаясь вглубь территории. Среди марийцев первые поселения русских появляются в 1580 г. Центрами колонизации были российские городки-крепости Кокшайск, Санчурск, Уржум, Козмодемьянск. Сперва крестьяне селились вокруг городков-крепостей, потом постепенно начинают подселяться в марийские села, с разрешения их сообщества. Такой процесс носил название *принять припущенника*. В основном черемисское сельское сообщество допускало к себе на выморочные земли, т. е. оставшиеся от умерших хозяев. Земля продавалась русским крестьянам, и возникал непосредственный контакт с русскими. Шел и встречный процесс — черемисы-марийцы селились в русских новых деревнях-починках. По мере увеличения русского населения наблюдалась естественная русификация: села получали русские названия, жители начинают одеваться в русские одежды, перенимать обычаи, говорить по-русски. Как отмечает автор, исследовавший историю заселения этих земель, русские крестьяне первыми пошли на тесный контакт: «русский народ обладает в большей степени тенденцией приспособливаться, чем приспособлять»²⁰ других к себе. Поначалу русские крестьяне сами стали изучать язык марийцев, а потом помогали учить свой. Изучению языка способствовало народное творчество — песни, загадки, пословицы. Современники отмечали, что черемисские дети загадывают русские загадки, поют русские песни²¹. Перенималась даже манера русских «проявлять свою жизнерадостность в коротких, но буйных взрывах — в размашистой бесшабашной песне, в удалой пляске — русском трепаке»²². Сближало два народа и множество смешанных браков.

Массовые крещения народов Поволжья начались в 1740-е годы, носили добровольный характер, и успех их во многом объяснялся многолетним этнокультурным контактом русских и марийцев на марийской территории.

Приуралье и Южный Урал (Оренбургье). Как указывает в своем исследовании Г. Н. Чагин, в

середине XIX — начале XX вв., когда появилось уравнительно-передельное землепользование вместо свободного захвата земли, *починки* имели другой смысл, нежели починки в XVII—XVIII вв.²³ Села пришли на Урал вместо погостов, слобод и сельцов (деревень на владельческих землях)²⁴. К 1870-м годам появляются выселки (на почве аренды земли), а при П. А. Столыпине — хутора²⁵. Церковная топография органично входила в территориально государственную топографию. Приход церковный включил в себя административную единицу *приход*²⁶. Например, к началу XVII в. на Вычегде существовали большие приходы с церквами на погостах (с 1720-х годов — в селах). Церкви строились *миром*, т. е. всеми прихожанами. В одном приходе обычно по две церкви: теплая и холодная (шатровая). В Яренском у., например, каменные церкви стали возводить с XVIII в.²⁷. Исследователи пишут, что в целях проповеди коми в русских монастырях служба нередко велась на зырянском языке, монастыри активно участвовали в жизни местного населения, поэтому отмечена их роль «в консолидации их этноса (коми-зырян. — О. К.) на религиозной основе»²⁸.

Южное Приуралье стало осваиваться в XVI в. В 1574—1586 гг. здесь строятся первые крепости-остроги Уфа, Бирский, Мензелинский, которые вошли в первую линию укреплений. В первой половине XVII столетия начинает возводиться вторая линия укреплений по реке Черемшан — Закамская (остроги Тиниск, Билярск, Шемшинск и др.)²⁹. Сперва вдоль первой линии селятся стрельцы, сюда же устремляются вольные переселенцы «гулящие люди». Они селятся на башкирской земле на правах припущенников, с правом аренды земли. Известны случаи, когда служилые люди из крепостей захватывали башкирские земли и селили там крестьян. Также здесь активно проходила с конца XVI в. монастырская колонизация. Поток мирной колонизации связан с вольным расселением крестьян из Пермского края. Купцы Строгановы устраивали

²⁰ Смирнов И. Н. Черемисы. Историко-этнографический очерк. Казань, 1889. С. 75.

²¹ Смирнов И. Н. Указ соч. С. 75.

²² Там же. С. 76.

²³ Чагин Г. Н. Культура и быт русских крестьян Среднего Урала в середине XIX — начале XX в. Пермь, 1991. С. 25.

²⁴ Там же. С. 24.

²⁵ Там же. С. 25.

²⁶ Булгаков М. Б. Новейшая историография народа коми XVII в. // История народов России в исследованиях и документах. М., 2004. С. 61.

²⁷ Там же. С. 62–63.

²⁸ Там же. С. 68.

²⁹ Чернавский Н. Оренбургская епархия в прошлом ея и настоящем. Оренбург, 1900. С. 35.

вали соляные варницы и привлекали для работы крестьян из внутренней России. Они строили городки — Конгар, Сылвенский острожек, Верхотурье. Возникают и слободы: Тагильская, Мусальская (начало XVII в.). Отсюда колонизационный поток пошел на юг — на Челябинск. Со всех сторон Башкирия была оцеплена поясом крепостей — острогов, редутов и форпостов. Кроме того, она была отделена от казахов, которые постоянно совершали кочевнические набеги на русские поселения³⁰. Так создавались условия для мирного земледельческого освоения края.

Со второй половины XVI в. стала осваиваться юго-западная часть Оренбургского края. Селились казаки — выходцы с Дона — вместе с беглецами (*сходцы*) из внутренней России, породив Уральское казачество. В казачество влились и выходцы из местного населения: нагайбаков, мещеряков, башкир, исетских казаков. Казачество на Оренбургской линии несло не только военную службу (сторожевая и пикетная), но и активно занималось земледелием³¹. Колонизационное продвижение и освоение края прочно связывалось с духовным, церковным освоением. Так, известный государственный деятель Оренбуржья и в тоже время просветитель Иван Иванович Неплюев, один из когорты *птенцов гнезда Петрова*, во всех крепостях обязательно строил за казенный счет церкви, терпимо относился к беглым («непомнящим родства»). Селились компактно, как людям было привычно. Скажем, отдельно селили беглых, татар, казаков, малороссов, а также приглашенных по нарочитым вызовам крестьян из Центральной России. Первые русские крестьянские поселения появились в Оренбуржье только в XVIII столетии (в Троицком у.), потом, в начале XIX в., в других уездах — Оренбургском, Орском, Верхнеуральском.

Особо следует сказать о создании Оренбургской линии крепостей. Она делилась на дистанции. Шесть дистанций по 7—10 крепостей и редутов в каждой были построены всего за 10 лет — с 1734 по 1744 г.³² Основная часть крепостей Оренбургской линии защищала внешние границы, но восемь крепостей — Миасская, Челябинская, Эткульская, Чебаркульская,

Уйская, Коельская, Санарская, Кичигинская — находились внутри линии. В административном плане поселения делились на провинции и дистрикты. Одна провинция состояла из нескольких дистриктов. Скажем, в Исетской провинции находилось несколько дистриктов, а в одном дистрикте (Окуневском) были следующие типы поселений: острог Окуневский, форпост Карагельский, слобода Чумляцкая, митрополичье село Вокресенское³³.

Военные функции в крае выполняли регулярные войска, казачество же входило в состав нерегулярных войск и привлекалось по мере надобности. Казачество населяло городки с несколькими форпостами вокруг них. Например, вокруг Яицкого городка было пять форпостов, Калмыков городок имел семь форпостов, но все они располагались по р. Яику. Яицкий городок — столица Уральского казачества — насчитывал в середине XVIII в. 3 тыс. дворов и имел пять приходских церквей³⁴. С конца того же XVIII столетия казаки ставят вдоль рек хутора, традиционно активно занимаясь рыбным промыслом. Но и земледелие начинает их привлекать. Земледелие широко рас пространилось после 1860 г. В начале XIX в. регулярные войска выводят из Оренбургского края и перебрасывают на западные границы России ввиду опасности со стороны Франции. Место регулярных войск занимают казаки, но также на правах нерегулярных частей. При этом на плечи казаков легли все хозяйствственные заботы: выращивание хлеба, выпас скота и т.д. В 1842 г. к уральским казакам приписали ставропольское калмыцкое войско.

Огромный ущерб краю нанесла пугачевщина; разрушенные в большом числе церкви были восстановлены только через 40—50 лет³⁵. XIX в. стал временем крестьянской колонизации из Центральной России. Двумя волнами — 1807—1809 гг. и 1826—1828 гг. — проходило организованное правительством переселение в основном казенных (государственных) крестьян. Сразу образовывались крупные, до 500 человек, поселения. Земельный вопрос решался непросто, так как казаки считали землю (50 % территории) своей. Также поначалу медленно шло продвижение на башкирские земли, пока в 1832 г. правительство не облегчило покупку земли,

³⁰ Там же. С. 54.

³¹ Там же. С. 55.

³² Там же. С. 60—61.

³³ Там же. С. 62.

³⁴ Там же. С. 64.

³⁵ Указ соч. С. 66.

а с 1865 г. разрешило свободную продажу башкирских земель³⁶.

Что принесла русская колонизация Оренбуржью? В крае прекратились бесконечные набеги кочевников в целях ограбления тех, кого можно было ограбить. Этот традиционный для кочевников вид промысла назывался *баранта*, и пресечь этот вредный обычай можно было лишь силой. В крае началась мирная хозяйственная и торговая жизнь.

Сибирь и Дальний Восток. Сибирь — уникальный регион, находившийся в непосредственной близости от *китайской цивилизации*. И в этом смысле здесь происходила встреча двух цивилизаций — русской и китайской. Сколь-либо значительное китайское влияние здесь не сказывалось, но само по себе существование межцивилизационной границы определяло многое. Именно в Сибири пограничье выстраивалось с учетом цивилизационного фактора, довлевшего с китайского юга. Русский цивилизационный лимитроф в Сибири протянулся на несколько тысяч километров. Это уникальное явление! Лимитроф всегда выстраивается за счет мирного, культурно-хозяйственного освоения территории. И можно лишь поражаться этнической мощи, расселившегося тут на огромном пространстве русского населения, сумевшего за короткий исторический срок превратить Сибирь в хлебную житницу, полностью обеспечивавшую себя зерном. Только тогда, когда православное русское население заселило земли, пригодные для хлебопашства, в Сибири и на Дальнем Востоке, а русские промышленники и купцы стали осваивать леса, реки и недра этой территории, в эту деятельность в большей или меньшей степени на добровольной основе были включены местные народы. Именно тогда и появилась цивилизация. И этот цивилизационный напор не угасал вплоть до Первой мировой войны!

С XVII в. начинается весьма интенсивное заселение территории Сибири. В середине указанного столетия здесь насчитывается 72 тыс. русских, а уже к концу века, ко времени заключения Нерчинского договора, — 170 тыс.³⁷ К началу XX столетия 77 % сибиряков были русскими,

а «общая численность славянского населения Сибири (русские, украинцы, белорусы) составила 8,59 млн человек»³⁸. Важным показателем демографического равновесия в русской среде было решение семейной проблемы — к концу XVII в. женского и мужского населения стало поровну³⁹. Русская семья также прошла здесь свои формы приспособления к местным условиям колонизации: поначалу решался вопрос о привлечении женщин (посылались специальные группы «в Россию» для уговоров девушек и вдов, также в жены брались представительницы из местных народов, ссыльные женщины), создавались особые хозяйственно-необходимые формы семьи — «договорные», напоминавшие семейные артели⁴⁰.

В течение XVII в. в Сибири было построено около 26 городов, не считая сотен небольших крепостей-острогов⁴¹. В 1586 г. появилась Тюмень, в 1587 г. — Тобольск и т.д. Города создавались как опорные военные и административные центры, причем не только для государственной власти, но и для Церкви. В отличие от центральных районов России монастыри и храмы создавались здесь по мере административного освоения территории. Монастыри строились или в самих городах, или в непосредственной близости от них. Позже, во второй половине XVII в., появляются монастыри и в стороне от городов и сел. Остроги и города населяли торговые и служилые люди. К числу последних относились администраторы, казаки и стрельцы.

О роли казачества в цивилизационном движении следует сказать особо. Казаки были и воинами-первопроходцами, и поселянами, теснейшим образом взаимодействовавшими с сибирскими народами. Казаки в Западной Сибири вступали в самый тесный контакт с местным населением, порой даже растворяясь в нем. Казаки начали заявлять о себе еще в пору освоения Приуралья и Урала: «На укрепленных пограничных линиях южных районов сформировалось казачье население, расселившееся в близком соседстве с башкирами, мещеряками, яицкими казаками, казахами»⁴². При этом линейное восточносибирское казачество активно смешивалось с эвенками и бурятами, а в Забайкалье с тунгусами (чуранами).

³⁶ Указ. соч. С. 67.

³⁷ Мордкович В. Г. Сибирь в перекрестке веков, земель и народов. Очерки этно-экологической истории региона. Новосибирск, 2007. С. 272.

³⁸ Трепавлов В. В. Сибирь... С. 74.

³⁹ Там же. С. 76.

⁴⁰ Там же. С. 77.

⁴¹ Мордкович В. Г. Указ. соч. С. 239–241.

⁴² Александров В. А. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). М., 1969. С. 13.

Одна часть казаков входила в городовые казачьи команды, другая составляла линейное казачество. Преобладающее большинство казаков были русскими, но в это сословное сообщество вливались и другие народы⁴³. Также отличалась пестротой и география их происхождения. «Сложившееся в конце XVI — начале XVII в. казачество Сибири представляло собой довольно сложный сплав. Численно в нем преобладали „государевы служивые люди“ — выходцы с Русского Севера и городов Среднего Поволжья. Большую роль в образовании сибирских гарнизонов сыграли казаки Волги, Дона, Яика, Терека, а также „литва“ и „черкасы“, среди которых было много запорожцев»⁴⁴. Поначалу, в XVI в., казачество имело все права служилого населения, освобождалась от налога, имела от правительства закрепленные земельные наделы. Но, в отличие от крестьян, как отмечают исследователи, казаки не создали коллективных форм землевладения, и в какой-то момент, когда исчезла необходимость в их служебных функциях, им предстояло или становиться крестьянами, или искать служение в других местах. В Западной Сибири «среди городового казачества не сложилось групповых собственников на землю, как произошло это в других местах, вот почему здесь шел активный, но постепенный (трехэтапный) процесс перехода казачества в крестьянство»⁴⁵. С 1724 г. сибирское казачество становится податным сословием, с платой подушного налога и выполнением натуральных повинностей⁴⁶.

«Продвижение русских за Урал началось с таежной полосы Сибири... Поэтому именно в тайге и лесотундре появились первые российские административные и торгово-промышленные центры»⁴⁷. Как отмечают авторы энциклопедического многотомного труда «История Сибири», «русские промышленные люди, жившие менее компактно и бывшие более подвижными, по сравнению с русским земледельческим населением,

тем не менее, сыграли огромную роль в освоении обширных пространств Сибири»⁴⁸. Именно промышленные люди вступали в тесный контакт с коренными жителями и несли поначалу знание о русской культуре. По мысли известной исследовательницы Западной Сибири Н. А. Миненко, наиболее массовой группой на севере региона было служилое население. Именно из него формировались позже отдельные сословные группы северян: казаки, крестьяне, посадские (купцы, мещане), священнослужители. При этом «служилое население городов Березова и Сургута сохранило свою доминирующую роль даже к середине XIX в.»⁴⁹. Уже закрепившееся население становилось опорой для вновь прибывавших. «Из Поморья была принесена традиция коллективного хозяйствования, когда переселенцы из-за Урала подселялись к крестьянам и служилым в качестве половников, захребетников, подворников и т. п.»⁵⁰.

Крестьянское заселение и земледельческое освоение этого региона стало наиболее значимым цивилизационным фактором. Это подчеркивают все крупнейшие сибреведы. «Колонизация имела преимущественно земледельческий характер... Возделанные поля были в 17 уездах из 20», — отмечал В. И. Шунков, крупнейший авторитет в этом вопросе⁵¹.

Крестьянское население традиционно для русских селилось вдоль рек — в Сибири в бассейнах Оби, Енисея, Лены — и вдоль Сибирского тракта, от Тюмени до Кяхты. На юге Западной и Восточной Сибири (Ишимская и Барабинская степи, Прибайкалье и Забайкалье) основное расселение происходило вдоль дорог, а не по рекам, как на севере⁵². Ряд районов в Сибири совсем не знал земледелия — Березовский, Сургутский, Мангазейский уезды⁵³. Но за счет переизбытка товарного хлеба в других районах (Верхотурско-Тобольском, Енисейском) проблема обеспечения их хлебом легко решалась⁵⁴.

⁴³ Матвеев О. В. Казаки в Сибири // Очерки традиционной культуры казачества России. М. — Краснодар, 2002. С. 284.

⁴⁴ Матвеев О. В. Указ соч. С. 283.

⁴⁵ Миненко Н. А. Омск в панораме веков. Омск, 1999. С. 45–46.

⁴⁶ Быкова Г. Ф. Заселение русскими приенисейского края в XVIII в. Новосибирск, 1981. С. 245.

⁴⁷ Трепавлов В. В. Сибирь // Русские в Евразии. XVII—XIX вв. Миграции и социокультурная адаптация в иноэтничной среде. М., 2008. С. 66.

⁴⁸ История Сибири. Л., 1968. Т. 1 (до XVI в.). В 5-ти томах. С. 56.

⁴⁹ Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь в XVIII — первой половине XIX в. Историко-этнографический очерк. Новосибирск, 1975. С. 300.

⁵⁰ Трепавлов В. В. Сибирь... С. 77.

⁵¹ Шунков В. И. Очерки по истории земледелия в Сибири в XVIII в. М., 1956. С. 426.

⁵² Трепавлов В. В. Сибирь... С. 73.

⁵³ Шунков В. И. Указ. соч. С. 429.

⁵⁴ Там же.

К Западной Сибири относится территория от Урала до Енисея. Западно-Сибирская равнина не вся была приспособлена для земледелия, в основном плодородная земля находилась на юге Западной Сибири, где было меньше болот, сложился мягче климат, не мешала труднопроходимая тайга с ее *урманами* — густыми лиственными лесами. Как отмечает М. М. Громыко, «трудно преувеличить влияние, которое оказало освоение в XVIII в. южных территорий Западной Сибири на весь ход социально-экономического развития края»⁵⁵. На севере Западной Сибири русские были малочисленны, они не могли заниматься здесь хлебопашеством и потому утрачивали хозяйственный опыт и бытовой уклад, перенимая культуру соседних хантов⁵⁶.

В оценке заселения русскими Западной Сибири в XVIII в. мы будем опираться на указанный фундаментальный труд М. М. Громыко и пользоваться ее выводами. Начало земледельческого заселения южных районов Западной Сибири следует относить ко второй половине XVII — первой четверти XVIII века⁵⁷. Это были первые крошечные очаги. Основной поток переселенцев придет сюда во второй половине XVIII столетия. Крестьяне селились в слободах вокруг укрепленных острогов и постепенно, отпочковываясь, удалялись от них. М. М. Громыко подчеркивает, что благодаря острогам, как военным крепостям, успешно решалась задача вольной крестьянской колонизации⁵⁸. Основными типами крестьянских поселений были слободы и деревни. Причем «слободы часто возникали как укрепления, потому что во внешнем облике сохраняли черты крепости: прочная деревянная ограда из столбов, иногда с башней, надолбы, рогатки, рвы». Слободы представляли собой административные центры для группы деревень, «в слободах были острог, церковь, казенные амбары, двор приказчика»⁵⁹. Автор замечает, что «слободы как тип населенного пункта, сочетавший военно-административную и земледельческую функции (в этом отношении они похожи на сибирские города в ранней стадии развития), были характерны именно для юго-западных территорий»⁶⁰.

Деревни имели здесь меньшую численность населения, чем деревни Тюменско-Тобольской территории, — в среднем по 12 дворов.

Тут же, в острогах, крестьянствовали те, кто раньше состоял на военной службе. Они поначали, после выслуги, но до перехода в крестьянство, относились к категории разночинцев. О хозяйственном успехе говорит тот факт, что уже к 1730-м годам хлебные излишки в южных районах Западной Сибири стали отправляться (по речному пути) на продажу в Тобольск⁶¹.

Как и в других местах Сибири, здесь создавались не просто остроги, а укрепленные линии — группа близко лежащих крепостей. В Тарском у. существовала Иртышская укрепленная линия, состоящая из пяти крепостей. К 1730-м годам в связи со строительством Оренбургской укрепленной линии начинается новый этап в колонизации Южного Зауралья (подробнее см. раздел «Оренбуржье»). Прямые военные столкновения с Джунгарией на юге Западной Сибири позволили решить вопрос о фронтире — политической границе. Защищая казахское население Среднего Жуза, Россия строит тут военные укрепления (Ишимская линия) и заключает договор со Средним Жузом о присоединении его к России. Русские крестьянские поселения проходили здесь по самой линии крепостей и даже заходили на нее, так что «для охраны крестьян высылались воинские команды»⁶². Затем началось строительство Новоишимской линии и освоение земель рядом с ней. Сюда шел как добровольный поток переселенцев, так и принудительный (ссылка, насилиственное переселение в счет рекрутства, пойманные беглые крестьяне). По указанию властей селения от крепости располагались не близко, на расстоянии 70—90 верст⁶³.

М. М. Громыко отмечает разницу колонизационных потоков: в одних местах наблюдалась правительственный колонизацию (разночинное население), в других главной оказывалась вольная крестьянская колонизация. Монастырская колонизация, по мысли автора, была тесно привязана к численности монастырских крестьян, что зависело, очевидно, от монастырей-митрополий,

⁵⁵ Громыко М. М. Западная Сибирь в XVIII веке. Новосибирск, 1965. С. 88.

⁵⁶ Власова И. В. Русские в Сибири и на Дальнем Востоке // Русские. М., 1999. С. 114.

⁵⁷ Громыко М. М. Западная Сибирь... С. 88.

⁵⁸ Там же. С. 90.

⁵⁹ Там же. С. 90—91.

⁶⁰ Там же. С. 91.

⁶¹ Там же. С. 93.

⁶² Там же. С. 98.

⁶³ Там же. С. 99.

организовавших эту колонизацию. В целом же было три формы колонизации: вольная, смешанная и правительственная (за счет крестьянства Европейской России)⁶⁴.

Правительство поощряло колонизацию (вольную и насильтственную) и предоставляло льготы переселенцам: «освобождение на три года от уплаты податей, также три года выдавался солдатский паек и деньги по 1 коп. на взрослого мужчину и по 1 деньге на жену и детей в день. При поселении крестьяне получали лошадь, корову, двух овец, плуг, топор и семена (9 пудов ржи, 4 пуда ячменя, столь же овса и 1 пуд конопляного семени), лес на строительство изб и дрова»⁶⁵.

Исследователями отмечается, что экономическая активность русских крестьян-переселенцев, их численное превосходство позволили не только сохранять уклад, но и активно влиять на другие народы: «там русские ассимилировали местное население: татар, вогулов, бурят, которые переходили на русский язык и принимали крещение»⁶⁶.

Кроме земледельческого освоения можно говорить о промышленном освоении Сибири, благодаря горнорудным заводам. По сути только в результате земледельческой колонизации был обеспечен успех промышленного освоения Сибири Российской⁶⁷. Для охраны заводских поселений также строились укрепленные линии, поскольку казачьи охранные команды при заводах положение не спасали. К 1761 г. удалось создать Колыванскую зигзагообразную линию, как продолжение Новоишимской. Она была редко заселенной. Крестьянское вольное заселение сдерживало то, что крестьян могли присоединять к заводам как рабочих, тем не менее, процесс вольного заселения здесь явно преобладал над насильтственным. Крестьяне активно двигались в сторону западной части Алтая за пределы официальной границы России, так что «военные линии закрепляли территории, где уже делались первые шаги по заселению» и тем самым расширяли дальнейшие возможности для интенсивной колонизации⁶⁸. Заводские районы дали новый вид поселения — заводской поселок, отличающийся

многими характеристиками. Поселок состоял из трех частей — заводская (производственная территория), оборонно-административный комплекс и, наконец, слобода или посад⁶⁹. Неоднородность русского населения (старожилы, новоселы, разноссловные группы — казаки, крестьяне, промышленники, этнически смешанные с местными народами группы; конфессиональная неоднородность — православные, старообрядцы, беспоповцы, а также сектанты — духоборы, молокане, штундисты⁷⁰) влияла на то, что «народный мир» тут был менее духовно сплоченным и однородным, чем в центре.

Русское заселение Сибири вызвало процессы этнических перемещений. В результате миграций, как отмечает Е. А. Пивнева, характеризуя район русско-угорского контакта в Приобье, начался процесс этнического смешения, в том числе и русских с местными народами⁷¹. Она же отмечает другое очень важное явление: в районе непосредственных контактов русских и обских угров наблюдалась утрата четкой этнической идентификации у последних. На что это может указывать, если не на временную потерю актуальности «этнического» взамен чего-то другого? И это что-то другое и было, очевидно, цивилизационное начало, воспринятое у русских, как необходимый элемент для дальнейшего собственного этнического взросления. В пользу нашего предположения говорит тот факт, что после так называемого «обрусения» (оцивилизования) — «адаптации аборигенных народов к новым социально-экономическим условиям»⁷² — эти народы не исчезают, но продолжают существовать и даже возрастать, но уже в новом качестве. При этом, как отмечает автор, обрусевшие ханты или манси не становились русскими, они все равно продолжали быть хантами и манси. Это тоже говорит в пользу цивилизационного характера обрусения местных народов, потому что не происходило их этнической деидентификации.

С бассейна Енисея начинается Восточная Сибирь, территория, мало приспособленная, в

⁶⁴ Там же. С. 106.

⁶⁵ Там же. С. 102.

⁶⁶ Власова И. В. Русские в Сибири и на Дальнем Востоке... С. 114.

⁶⁷ Громыко М. М. Западная Сибирь... С. 130.

⁶⁸ Там же. С. 126.

⁶⁹ Там же. С. 123.

⁷⁰ Власова И. В. Русские в Сибири и на Дальнем Востоке... С. 115.

⁷¹ Пивнева Е. А. Исторический опыт русско-угорских взаимодействий // Межэтнические взаимодействия и социокультурная адаптация народов Севера России. М., 2006. С. 298.

⁷² Там же. 301.

отличие от Западной Сибири, к широкому земледельческому освоению. Здесь были лишь отдельные островки, удобные для крестьянского землепользования в бассейне Среднего Енисея в Хакасско-Минусинской котловине. Приенисейский край стал активно осваиваться с XVIII в. Со второй четверти XVIII столетия началась вольная колонизация этих земель, проходившая параллельно с принудительной колонизацией, так как здесь развивалась горнозаводская промышленность и требовались рабочие руки и сельское обеспечение рабочих. Бассейн Среднего Енисея оказался местом компактного проживания большого числа русских крестьян (36 тыс.). «По Енисею располагались 290 городов, острогов, слобод, сел, деревень, однодворок и зимовьев»⁷³. Русское население этого региона Сибири отличалось еще меньшей однородностью, чем население Западной Сибири⁷⁴.

Кроме приречного расселения русские традиционно селились вдоль трактов. Как отмечают исследователи заселения Сибири, «русское население в последние годы существования империи разместилось вдоль Сибирского тракта широкой полосой, которая сужалась по мере удаления на восток, несколько утолщаясь на Алтае и в Минусе. Менее всего русских было в Северо-Восточной Сибири и на Дальнем Востоке»⁷⁵.

Особо следует сказать о *церковном продвижении* на Восток. Значение Русской Православной Церкви для цивилизационного процесса в Сибири может быть признано как сугубо положительное и имеющее отношение не только к чисто религиозному проповеданию (основному, ради чего Церковь шла в Сибирь), но и культурному и в целом социально-миротворческой ее деятельности.

Весьма обстоятельно и подробно на эту тему высказался академик Н. Н. Покровский на юбилейном научном собрании Новосибирского государственного университета «Христианство: путь двух тысячелетий»⁷⁶.

В первой четверти XVII в. вместе с православными архиереями в Сибирь пришла культура Слова. Первый епископ Киприан (1620—1624) уже во второе лето правления создал тот «базовый документ, из которого выросли потом многие

главные памятники сибирского летописания, рассказы о Ермаке, не все, но многие. Это так называемое *Написание*⁷⁷. В результате кропотливой работы были опрошены свидетели похода Ермака и записаны их рассказы. «При третьем архиепатии Нектарии архиерейский дьяк Савва Есипов создал развернутую сибирскую летопись». Большое культурное значение имела огромная архиерейская библиотека с несколькими сотнями томов. Книги в большом количестве закупались в Москве и переправлялись в Тобольск⁷⁸. Архиерейский дом положил начало не только книжности, но и другим направлениям культуры и просвещения: в частности, иконописному делу, создав первую иконописную мастерскую. Первым сибирским иконописцем протодьяконом Матвеем в 1637 г. была написана знаменитая чудотворная Абалацкая икона Божьей Матери — святыня всей Сибири⁷⁹. Здесь при архиерейском доме был создан первый духовный театр для проведения театральных церковных мистерий — «пещенного действия», «Входа Господня в Иерусалим» и др.

С самого начала московский государь подчеркивал огромное и всестороннее значение церковной миссии в Сибири: в деталях оговаривались расходы на устройство архиерейского дома. Как только сибирский воевода проявил нерассторопность в приеме архиерея, царем была тут же послана грамота, требующая передать воеводские владения до поры, пока не будет выстроена архиерейская резиденция, в руки архиепископа. Владыке, как и последующим архипастырям, поручались весьма обременительные и тяжелые «обязанность и право надзора за местной администрацией» — именно с точки зрения существенных вопросов (по церковной и нецерковной части). Архиерей обязан был вначале сказать о недостатках воеводе города (два раза) и лишь потом писать царю. Первым соборным храмом в Тобольске стал огромный деревянный собор, выстроенный иереем Иоанном, он был протопопом собора.

С приходом архиепископа в Сибири возникают две архиерейские вотчины — под Тобольском и под Усть-Ницей (по типу ведения хозяйства новгородских монастырей). Архиепископ Киприан принес в Сибирь новгородскую

⁷³ Быкона Г. Ф. Заселение русскими приенисейского края в XVIII в. Новосибирск, 1981. С. 244.

⁷⁴ Власова И. В. Русские в Сибири и на Дальнем Востоке... Указ. соч. С. 115.

⁷⁵ Там же. С. 72.

⁷⁶ Покровский Н. Н. Христианская традиция в российской и сибирской истории // Филолог. 2001. № 2. С. 6—21.

⁷⁷ Там же. С. 15.

⁷⁸ Там же. С. 17.

⁷⁹ Там же.

монастырскую традицию. Н. Н. Покровский подчеркивает, что это было безбарщинное хозяйство, построенное только на натуральном 20 процентном оброке⁸⁰. Это позволяло крестьянскому хозяйству активно развиваться. Взаимоотношения крестьян с монастырем были самые тесные и плодотворные (автор ссылается на специальную работу И. Л. Маньковой): «монастыри жили в определенном симбиозе с крестьянским хозяйством». От них крестьяне получали беспроцентные ссуды на обзаведение, когда «голыми и босыми приходили из Европейской России».

Стоит вспомнить и тот факт, что знаменитые сибирские купцы и промышленники Демидовы (выходцы из тульских мастеровых) получили церковное благословение на свою деятельность от митрополита Димитрия Ростовского. В 1701 г. святитель, в пору его пребывания в Москве, благословил Никиту Демидыча Антуфьева с сыном Акинфием образом Божьей Матери Корсунской. Икона стала «первой православной святыней в непроходимых лесах угрюмого Уральского края»⁸¹.

Строительство храмов в Сибири было делом совместным — прихожан, Церкви и государства. Как только планировалось переселение, и создавалась новая крестьянская община, поначалу на месте производилась планировка, выделялось место для церкви, затем места для крестьянских домов и для складов. «Платит за все работы и участвует в них крестьянская община, которая за это от государства получает отсрочку в налоговых платежах на пять лет». При обращении за помощью к государству («таких случаев немного») оговаривается, что может взять на себя община, если церковь строится на деньги государства. Последнее понимало и допускало установление определенных льгот и свобод для переселенцев в самых разных церковных вопросах: сибирским крестьянам разрешалось выбирать священника из своей среды, с условием утверждения этого выбора архиереем. Община обязывалась на свои средства содержать священника. Государство настаивало, чтобы священники имели семинарское образование, что в немалой степени «способствовало распространению просвещения в Сибири».

В более свободной и демократичной Сибири общественные функции приходской церкви были более широки и значительны. Церковь включалась во многие светские проблемы. «По традиции Русского Севера приходской храм был центром не только церковной, но и светской жизни городской и сельской общины». В церкви хранилась общинная светская казна, находился мирской архив с поземельными документами, в большой теплой трапезной части храма проходили собрания, здесь же была подклеть для товаров. «Многие знаменитые купеческие капиталы обязаны своим возникновением изначальному церковному хранению». Общинники могли получить в приходском храме беспроцентную ссуду — деньги взаймы. Сюда же приходили люди, чтобы услышать важные государственные сообщения, которые зачитывал священник с амвона. Церковь была убежищем для тех, кто опасался расправы и ждал настоящего суда. Через церковь же отправляли «явку» — жалобу на кого-то. Церковь хранила явку и передавала кому нужно. Из-за этих функций священникам и архиереям приходилось не раз страдать от разных сторон, «получая колотушки и от восставших, и от законных властей». Но церковь помнила здесь «о своем долге наставничества, заступничества и примирения».

Важнейшей функцией Церкви тут было апостольское миссионерское просветительство. Самым важным показателем этой деятельности служит церковное прославление в лице святых многих из миссионеров, прежде всего архиереев, что указывает на святость их трудов, а значит, не напрасный их характер. К числу неслучайных фактов отнесем то, что начало широкой миссионерской деятельности положили в первой половине XVIII в. украинские архиереи — выходцы из западного Российского пограничья: святители Иоанн Тобольский, Иннокентий Иркутский и Софроний Иркутский, Филофей Лещинский, Антоний, митрополит Тобольский. Сюда же Петром I направлялся и святитель Димитрий Ростовский, но лишь обстоятельства не позволили ему поехать в Сибирь. Не стоит забывать о большом числе переселенцев-украинцев в Сибирь⁸². За каждым из этих великих просветителей стоят не только самоотверженные

⁸⁰ Там же. С. 16.

⁸¹ Рутман Т. А. Святитель Димитрий и Демидовская икона Богоматери // Святитель Димитрий, митрополит Ростовский. Спасо-Яковлевский Димитриев монастырь — Ростов Великий, 2008. С. 266.

⁸² По расчетам И. В. Власовой украинцев в Сибири было 9,5%, белорусов — 3,7%, а русских — 70% (вт. пол. XIX в. См.: Русские. М., 1999. С. 127).

труды при жизни, но продолжение их после кончины, что, несомненно, указывает на праведность и жертвенный характер их трудов.

В недавно вышедшей обстоятельной монографии Н. К. Чернышевой⁸³, посвященной почитанию святителя Иннокентия Иркутского в Сибири, показано, сколь значителен был спектр просветительских трудов этого святого. Причем в этом контексте просматривается и обозначается связь двух регионов Сибири и Украины, что специально отмечается автором⁸⁴. А в цивилизационном плане мы наблюдаем интересный феномен — святитель Иннокентий Иркутский своей деятельностью кроме чисто сибирских трудов осуществляет духовную стяжку двух регионов, двух цивилизационных полюсов — Украины и Сибири. Н. К. Чернышева также говорит о важнейшей культурной стороне церковной деятельности таких архиереев, как святитель Иннокентий. Они создавали «культурные гнезда», каким были и Иркутск, и Тобольск, и Томск и др. города. В основе «культурных гнезд» лежали не только библиотеки и школы, но прежде всего святыни: мощи святого подвижника, просветителя и широчайшая и богатейшая традиция почитания этой святыни, святые иконы, церковный календарь с местной спецификой.

В Сибири не выросло таких мощных духовных центров как Киевская и Троице-Сергиева лавры, Саровский монастырь или Оптина пустынь, на что обращает внимание исследовательница, но, конечно, не потому, что не было почвы, а скорее большая разреженность русского православного населения, не позволяла действовать также сконцентрированно, как в центре России. Хотя духовных усилий здесь было приложено немало. Об объеме и результатах церковной проповеди в широком, миссионерском смысле также можно судить по текстам патерика сибирских святых. Таковых к настоящему времени появилось уже два: один был составлен сибирскими авторами, другой вышел на Украине (еще один факт сибирско-украинских связей)⁸⁵.

Выводы. Общий вывод, касающийся модели взаимодействия русского населения в Сибири, у большинства исследователей этого региона таков: «В реальности в полосе „подвижной границы“ заселения русскими Урала и

Сибири формировалась чересполосная, комбинированная система существования различных социально-экономических и культурно-бытовых укладов... русский „фронт“ раздвигал на юг и на восток безопасный ареал земледельческого заселения, не столько вытесняя или истребляя коренное и иммигрировавшее азиатское население, сколько пронизывая его массивы „силовыми линиями“ безопасности (линии крепостей, опирающиеся на речные системы) и тем самым стабилизируя общую структуру расселения и мирной хозяйственной деятельности»⁸⁶.

Обозначим главное препятствие, которое стояло на пути цивилизационного продвижения России на Восток, и ради чего было затянуто это движение. Поволжье, Урал, но в особенности Сибирь и Дальний Восток были заселены немногочисленным населением, находившимся на низкой ступени политического, хозяйственного и культурного развития. Причиной этого, на наш взгляд, была та несвобода, в которую были поставлены эти народы давлением господствующих над ними кочевников, с резко выраженным экспансионистским началом. Агрессивный кочевнический мир формировался возле границ Китая, который не желал включать это степное, азиатское «казачество» в свое цивилизационное пространство, но действовал вне его — подкупом, лестью и выплатой крупных даннических сумм и привилегий. Но эти меры не цивилизовали кочевников, а лишь разжигали их аппетиты и сбирали сюда все большие и большие массы. Как пчелиные рои, в течение многих веков они сталкивались здесь друг с другом, иногда объединялись и шли на Китай, но и это ничуть не страшило великую империю и цивилизацию. Китаю легче было попасть на век-другой под власть варваров, чем заниматься цивилизационной работой на пограничье. Это была стратегия на века и тысячелетия. Золотая Орда была самой могущественной из числа нестабильных кочевнических систем, когда-либо возникавших рядом с Поднебесной. Но что касается «остальных» — тех народов Сибири и Дальнего Востока, которые не пускали на пир богов, но вытесняли в глухие и тяжелые для выживания места, облагая при этом данническими обязательствами, то они вынуждены были

⁸³ Чернышева Н. К. Почитание Иннокентия Иркутского в духовной культуре России: книжная и рукописная традиция (1805—1919). Новосибирск, 2009.

⁸⁴ Там же. С. 165.

⁸⁵ Патерик Сибирских святых. Сост. протоиерей Анатолий Дмитрук. Единецко-Бричанская епархия, 2006.

⁸⁶ Алексеев В. В., Алексеева Е. В., Зубков К. И., Побережников И. В. Азиатская Россия в geopolитической и цивилизационной динамике XVI—XX века. М., 2004. С. 32—33.

оставаться *бедными* и *рабски зависимыми*. Это, на наш взгляд, одна из главных причин задержки исторического развития народов данного региона.

По промыслу Божию Россия шла на Восток, чтобы включить в нарождающуюся православную русскую цивилизацию брошенные на произвол судьбы и вымирание многие племена и народы. И им без России было не выжить, но и без них русской цивилизации не существовало бы, а было бы просто государство Россия. В те века, когда только создавался сложный каркас цивилизации и о самобытности малых народов никто на международной арене еще не вспоминал, Россия сумела создать вокруг небольших человеческих островков плотное могущественное поле закона сильного государства, не покушаясь на само существование этих народов. Малые народы защищались средствами возможными, и в каждый век своими, от дурных последствий родоплеменного состояния: нищеты, болезней, самоистребления, весьма искаженного взгляда на человека в его состоянии слабости (женщин, старииков, детей, нередко иноплеменников). Несомненно, у российского государства были и ошибки, и просчеты, в чем-то, может быть, недальновидность. Но это были тактические просчеты и индивидуальные ошибки людей, как показывает история. Необыкновенно сложно было сохранить культуру и этническое самосознание каждого народа и хирургически отделить от нее все то, что разрушало человеческую личность и социум, толкало общество к нравственной деградации. Но тут на первый план выходили не государственная идеология и политический прагматизм, а православная духовность. Христианское терпение и милосердие требовали длительной цивилизационной деятельности, а не просто физического уничтожения народов, практикующих каннибализм или человеческие жертвоприношения. Многими историками отмечается, что, в свою очередь, нецивилизационное отношение христиан-переселенцев в Северной и Центральной Америке к коренным жителям привело к радикальному решению этих проблем: индейцы физически уничтожались, а остатки их селились в резервациях, после чего

на их место завозились грабительски добывшие рабы из Африки⁸⁷. В этом отличие цивилизационного пути от нецивилизационного.

Одним из важных обстоятельств цивилизационного присутствия русских среди местных народов была миротворческая функция. «С приходом русских прекращались межродовые столкновения»⁸⁸. Другой автор отмечает: в Сибири «не было плантаций с принудительным трудом для местного населения, был собственный труд, и на почве труда была дружба и согласие с местным населением»⁸⁹. Крупнейший исследователь коренных народов Сибири Б. О. Долгих в фундаментальном труде «Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в.» приходит к следующим выводам: с XVII по XIX в. увеличилась численность бурят, якутов, сибирских татар, алтае-саянских тюркоязычных народов. Уменьшилась численность юкагиров, ительменов, коряков, эскимосов, кетов, энцев. Не изменилась численность хантов, манси, селькупов, нганасанов. У тунгусов число скотоводов увеличилось в 3 раза, число кочевников не изменилось, а оседлые уменьшились в 5 раз⁹⁰.

Анализируя причины роста и уменьшения численности местного населения, автор приходит к заключению: «Главной причиной роста численности ряда народов Сибири является усвоение ими от русского крестьянства, переселившегося в Сибирь, русской земледельческой техники, превращение преобладающего большинства этих народов в земледельцев... После прихода русских прекратились межплеменные и межродовые столкновения, что способствовало такому же численному росту, как и у русских крестьян»⁹¹. «Главная причина сокращения населения — эпидемия оспы, чего избежали буряты и якуты. Не следует сбрасывать со счетов и тяжесть ясачного обложения. Но многие исчезнувшие этнографические группы не вымерли, а слились с русскими»⁹².

Стоит отметить, что цивилизационный фактор сформировал особую сибирскую ментальность русских Сибири: сибиряка отличали «широкая душа, бескорыстное гостеприимство, беззаветная храбрость, любовь к родине, гордая независимость характера, вольнолюбие, желание и готовность прийти на помощь другим, более слав-

⁸⁷ Алексеев В. В., Алексеева Е. В., Зубков К. И., Побережников И. В. Указ соч. С. 218–291.

⁸⁸ Трапавлов В. В. Сибирь... С. 77.

⁸⁹ Шунков В. И. Указ. соч. С. 429.

⁹⁰ Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960. С. 615.

⁹¹ Там же. С. 616–617.

⁹² Там же. С. 618.

бым, предприимчивость и сноровка в работе»⁹³. Именно эта ментальность была «языком диалога» с местными народами, несомненно, усваивалась ими и приобретала характер общерегионального явления.

Южное направление — уникальный пример цивилизационного освоения российского пограничья: а) лимитроф — цивилизационная культурная среда — протянулся в Сибири и на Дальнем Востоке на несколько тысяч километров. Это уникальный пример решения цивилизационного вопроса русскими (великороссами, украинцами и белорусами); б) успех цивилизационной миссии был обеспечен совместными действиями трех факторов (сил) — закона (государства), русской православной культуры (ее носитель — русский народ, в том числе и казачество), веры и нравственности (оплотом ее была Русская Православная Церковь).

Взгляд на восточное направление цивилизации из «центра»

Взгляд со стороны внутренней России на Сибирь в классический период XIX в. складывался из нескольких составляющих: географический фактор указывал на уникально огромный регион, малозаселенный, малоосвоенный, сказочно богатый; этнографический фактор подразумевал *неромантическое* отношение к местным народам и *романтическое* отношение к тем, кто попал в Сибирь против воли. Это означало: со стороны государства — прагматизм, мало отличный от прагматизма по отношению к русскому народу, живущему во внутренней России; со стороны Церкви — самая широкая и активная миссионерская (и культурная) деятельность; со стороны культурного и высокообразованного общества — выражение своего восхищения ссылками, а у консервативной части общества — теми, кто исследовал и изучал этот регион. У народа сложилось два взгляда на Сибирь: Первый — на землю — «социально-утопический взгляд» (по выражению советских исследователей этого феномена)⁹⁴, который, однако, вполне укладывается в иную парадигму — свободного и справедливого во всех отношениях мира. Второй — на историю, на людей в этом регионе — это «героический взгляд». Здесь определяющими фигура-

ми были такие исторические лица, как казаки-первоходцы и особенно Ермак Тимофеевич, былинный персонаж. Но этот взгляд формировался в ограниченной казачьей среде, к тому же территориально рассеянной по Дону, Уралу, в Поволжье, на Кавказе⁹⁵, и потому не получил определяющего влияния в целом на русское общество в России.

Кроме географического и этнографического факторов можно выделить еще собственно цивилизационный. Цивилизационное значение Сибири признавалось всеми в России, независимо от идеологических и духовных предпочтений. На базе этой цельной сосредоточенности в XX в. родилось движение евразийцев, как закрепление признания факта сверхкультурного (цивилизационного) единства этой территории для Европы и Азии. В настоящей статье мы говорим о Сибири как о части православной русской цивилизации, а не просто как о цивилизационном поле, соединяющем Европу и Азию. Но важно подчеркнуть, что это единство видели даже те, кто брал в качестве его критерия достаточно неопределенные признаки — «европейскость» и «азиатство». По сути, евразийцы предлагали видеть в Сибири те признаки цивилизации, которые в нашей работе мы считаем искусственными. Единство было, и оно имело духовный характер.

Если суммировать взгляд всего российского центра на Сибирь, то окажется, что он отличается своим *реализмом*: реалистичность объединяла все слои и силы российского общества и государства в их понимании того, что история Сибири разворачивалась на их глазах. Даже зримое присутствие каторжан и ссыльных в Сибири, что так активно обсуждалось и подчеркивалось демократической литературой⁹⁶, было некоей чрезвычайной злободневностью, которая не исчезала, не уходила в прошлое, а срослась с настоящим. Вместе с тем народный взгляд (казаки, а потом крестьяне) на Сибирь, как на страну обетованную, предполагал, что будет разворачиваться, а потом доминировать романтический взгляд. Но этого не случилось по той причине, что Сибирь стала местом каторги и ссылки. Литературно-философский — политический взгляд *революционных демократов* («в сибирских тюрьмах самодержавие губит лучших

⁹³ Болонев Ф. Ф. Из опыта этнографического изучения русского населения Сибири // Русская Сибирь: культура, обычаи, обряды. Новосибирск, 1998. С. 16–37.

⁹⁴ Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды. М., 1967. С. 24.

⁹⁵ Буганов А. В. Исторические личности России // Громыко М. М., Буганов А. В. О воззрениях русского народа. М., 2000. С. 468–470.

⁹⁶ Ядринцев Н. М. Сибирь как колония М., 1886; Головачев П. М. Сибирь. М., 1880.

Памятник св. Николаю Чудотворцу.
Карачаево-Черкесия, г. Крымск. Фото. А. И. Юренко

людей России), как ни малочисленны были эти люди — все же победил народный взгляд (и героический, и утопический) на Сибирь, и потому в обществе утвердилась реалистичная, а значит, прагматичная точка зрения на этот регион. К чему это привело? Хозяйственное и церковное

освоение Сибири, как доминирующие процессы, стали развиваться в русле *политической деятельности*, получили политический контекст, хотя могли бы, при другой раскладке сил, приобрести культурный фон и культурные рычаги развития. Несомненно, что последнее обстоятельство способствовало более эффективной цивилизационной деятельности, население доверяло бы более всему происходящему. Сложность протекания процесса цивилизации привела к тому, что здесь складывалась непростая социальная драматургия. Но даже с этой оговоркой цивилизационную деятельность России, направленную на благо всех народов этого региона, можно считать успешной.

Южные рубежи цивилизации. Северный Кавказ. Северный Кавказ рано познакомился с христианской проповедью, тут побывали апостолы Андрей Первозванный и Симон Кананит — оба числа из числа 12 апостолов Христа. Этот регион также долгое время находился под цивилизационным воздействием православной Византии⁹⁷, здесь сохранилась могила святителя Иоанна Златоуста⁹⁸, а также многочисленные каменные храмы в Осетии и предгорной части Северного Кавказа (Карачаево-Черкесия) — свидетели того времени⁹⁹. Почти с самого начала образования Древнерусского государства, с IX в., тут стали утверждаться границы Руси. Этому помогало присутствие христианства на Кавказе, в том числе и среди горцев, адыгов¹⁰⁰. В 988 г. возникло Тмутараканское княжество и просуществовало до конца XI в., пока половцы не отрезали его от русских земель. Как отмечают исследователи, «торговые, династические и дипломатические контакты русских князей с кавказскими владетелями» продолжались¹⁰¹. Золотоордынское нашествие (а потом — тимерлановское) стало для Кавказа

⁹⁷ Краснодарский историк и этнограф О. В. Матвеев отмечает, что среди мусульман Кавказа долго сохранялась память о времени Византии: «Имя Юстиниана в таком уважении между адыгами, что для подтверждения своих слов народ клялся Юстиниановым столом и Юстиниановым троном, писал адыгский просветитель Шора Ногмов. — Под влиянием союза с Юстинианом греческое духовенство, проникшая в кавказские горы, внесло к нам миролюбивое занятие искусством и просвещением. Священник назывался у нас *шогенъ*, епископ — *шехникъ*... Христианская вера процветала в Кавказских горах». (Матвеев О. В. Предисловие // Дело мира и любви: Очерки истории и культуры православия на Кубани. Православный Екатеринодар, 2009. С. 6).

⁹⁸ Касатиков Алексий, протоиерей. Первые семена Христианского вероучения (раннее христианство на Кавказе) // Дело мира и любви... С. 13–16.

⁹⁹ Грицай В. В. «Народ клялся юстиниановым столом...» (Роль Византийской империи в деле распространения христианской религии на Кавказе // Дело мира и любви... С. 17–27; Титоренко М. Ф. Каменная летопись (христианские памятники раннего средневековья на Западном Кавказе // Дело мира и любви... С. 34–44).

¹⁰⁰ Матвеев О. В. «Черкесы исповедуют христианскую религию...» // Дело мира и любви... С. 28–32.

¹⁰¹ Гатагова Л. С. Северный Кавказ // Русские в Евразии... С. 279.

временем повсеместного разорения и невиданных бедствий. Именно тогда «остатки местных народов укрылись в труднодоступных ущельях Большого Кавказского хребта»¹⁰². Хотя и в это время русское население продолжало здесь существовать, об этом есть археологические свидетельства, как отмечает исследователь кубанского казачества Н. И. Бондарь: «Ныне самая большая коллекция русских древностей на Северном Кавказе (в основном кресты XIII—XV вв.) происходит из окрестностей чеченских селений Майртуп и Ялхой-Мохк (пор. Гумс, притоку Аргуна). Жившие здесь русские, возможно, бежали из золотоордынского плена и поселялись рядом с горцами»¹⁰³. С XII по XV в., до прихода турок, на Кавказе пытаются устроить свое религиозное пограничье католические миссионеры, опираясь на поддержку Генуи и ее колоний. Но католичество приняли лишь некоторые адыгские правители¹⁰⁴.

На Кавказе прочно сохранилась память о благих плодах контактов с русскими, поэтому, как только пали Казанское и Астраханское ханства, сразу началось активное продвижение горцев в сторону России: в Москве побывали посольства от черкесов (адыгов), потом кабардинцев, абазинов, и были заключены договоры о вхождении в российское государство¹⁰⁵. Московская Русь создает крепость Терки на р. Терек, позже возникли другие крепости — в Тарках, Буйнаке и на Тузлуке. К этим местам и стали подтягиваться русские переселенцы¹⁰⁶.

В XVI в. на Кавказе появляется первая компактная группа русских казаков-«гребенцов», которые поначалу (до 1721 г.) не были связаны с действиями российской власти. Ареал расселения гребенских казаков был достаточно широк: «по рекам Аргун, Баас, Хулхуллау, Сулак, Акташ, в устье Сунжи, в Воззивенском и Татартупском ущельях, по Качкальковскому хребту и др». Казаки селились рядом с чеченцами, кабардинцами, ногайцами, кумыками и жили с ними в тесной связи. Даже Кавказская война этих связей не нарушила¹⁰⁷. Таким образом, расселение русских на Северном Кавказе проходило двумя потоками: официально и неофициально. Терское казаче-

Памятник св. Николаю Чудотворцу.
Карачаево-Черкесия, г. Крымск. Фото. А. И. Юренко

ство складывалось «из кавказских черкес, донских и гребенских казаков, поляков и грузин», сюда вливались волжские казаки¹⁰⁸. В крепостях находились городовые казаки, которых собирали на службу из окраинных городов¹⁰⁹.

1774 г. оказался переломным, поскольку военное противостояние России с Турцией закончилось мирным договором. Ясский мир 1791 г. подтвердил права России на Кавказ. В XVIII в. на Кавказе образовались многие крепости как военно-административные центры¹¹⁰: Святой Крест (1723 г.), Кизляр (1735 г.), Моздок (1765 г.), Владикавказ (1784 г.) и множество мелких военных укреплений. Здесь также выстраивалась система военных линий: Терская (Терско-Кизлярское войско) линия (с середины

¹⁰² Гам же.

¹⁰³ Бондарь Н. И. Кубанское казачество // Очерки традиционной культуры казачества... С. 345–346.

¹⁰⁴ Матвеев О. В. Предисловие // Дело мира и любви... С. 6.

¹⁰⁵ Александров В. В. Политика российского правительства по национальному вопросу... С. 35–36.

¹⁰⁶ Бондарь Н. И. Указ соч. С. 280.

¹⁰⁷ Бондарь Н. И. Указ. соч. С. 246.

¹⁰⁸ Там же. С. 247.

¹⁰⁹ Гам же.

¹¹⁰ Гатагова Л. С. Указ. соч. С. 283.

XVI в.), Моздокско-Азовская (1777—1782), от Екатеринодара до Азова; Сунженская (с 1845 г.). Военная линия включала в себя форпосты вдоль казачьих станиц¹¹¹. В 1832 г. из отдельных местных и присланных казацких полков было создано Кавказское линейное войско, контролировавшие территорию от Средней Кубани до устья Терека¹¹². Создание укрепленных линий позволило переселяться — и стихийно и организованно — крестьянам из Центральной России, а с 1820-х годов началось их активное оказчивание. Проблема роста численности казачества могла быть решена двумя путями. Во-первых, посредством постоянного увеличения контингента казаков за счет нового рекрутования со стороны. Так, к казакам поначалу пытались присыпывать представителей местных народов: осетин Моздока, кабардинцев, армян, грузин, крещеных калмыков¹¹³. Но эта мера оказалась мало эффективной. Во-вторых, пытались наладить семейную жизнь казаков. В традиции Запорожской Сечи были обеты безбрачия и жизнь только мужским сообществом, поэтому поначалу эти правила запорожцы привнесли и на Кубань, и на Северный Кавказ. В 1736 г. вместе с созданием Терско-Семейного войска были впервые переселены верх по Тереку семейные переселенцы, в 1760-е и 1770-е годы продолжались семейные переселения казаков с Волги и Дона, и тогда же «на равнинных территориях Кавказа стали появляться многочисленные крестьянские селения и казачьи станицы»¹¹⁴. Императрица Екатерина II специально обращалась к казакам, чтобы они заводили семьи¹¹⁵. Но проблема паритета численности мужского и женского казачьего населения была решена только к 1865 г., судя по тому, что численность казаков стабилизировалась¹¹⁶.

Что касается этнической характеристики, то специалисты отмечают, что было «великорусское ядро» и активное смешение с местными народами, особенно старожилов — гребенских казаков в XVI—XVIII вв. В XIX столетии вместе с наплы-

вом крестьян из Центральной России «русскость» казаков опять начинается укрепляться¹¹⁷. С конца 1840-х годов, как отмечает Н. И. Бондарь, в дополнение к русским переселенцам появляется украинское крестьянство.

Важную цивилизационную функцию на Кавказе выполняли города, которые выросли в XVIII—XIX вв. Города были не только административными координаторами политической жизни на Кавказе, но и важными культурными очагами. При наместнике А. П. Ермолове с 1816 г. начался важный процесс — включение Кавказа в общероссийскую государственную систему. Это требовало многих решительных действий: введение российской системы управления, замена местных правителей русскими чиновниками и пр. Все эти перемены были не на руку той части горского общества, которая традиционно занималась набегами¹¹⁸ и которая стала несвободна в своем перемещении по Кавказу. Несомненно, важную дестабилизирующую роль сыграла в этот момент Турция, обещая мятежным горцам военную и дипломатическую помощь. Несмотря на то, что горцы до вхождения в состав России были покорны Турции, но последняя ничего не делала, чтобы утвердить здесь порядок и законность, хотя и давала такие обещания России во время заключения мирных договоров.

Война России на Кавказе длилась около 90 лет (1774—1864), это не была колониально-захватническая война, поскольку здесь решалась задача утверждения цивилизационного порядка. Стоит вспомнить об отношении плененного имама Шамиля к России и Кавказской войне, которую он возглавлял со стороны горцев в течение 30 лет. После поражения и пребывания в русской провинции (Калуге) он признал правоту российской стороны и заявил, что не стал бы воевать с Россией, «а служил бы белому царю», если бы ему пришлось начать жизнь заново¹¹⁹. Конечно же, не страх смерти и не искушение комфортом заставили этого человека сделать столь громкое заявление.

¹¹¹ Там же. С. 284.

¹¹² Бондарь Н. И. Указ. соч. С. 247.

¹¹³ Бондарь Н. И. Указ соч. С. 250.

¹¹⁴ Трепавлов В. В. Указ. соч. С. 285.

¹¹⁵ Бороденко В. Е. Монастыри и монашество // Дело мира и любви... С. 222.

¹¹⁶ Там же.

¹¹⁷ Там же. С. 252—253.

¹¹⁸ О. В. Матвеев отмечает: «Набеговая система действительно являлась образом жизни горцев, прочно вошла в ценностные установки». См.: Матвеев О. В. Историческая картина мира Кубанского казачества (конец XVIII—XX в.): категории воинской ментальности. Краснодар, 2005. С. 205.

¹¹⁹ Олейников Д. Шамиль // Родина. 2000. № 1—2.

И среди горцев итоги войны были признаны справедливыми, и вскоре после ее окончания началось налаживание мирных отношений¹²⁰. Как ни странно, но именно взаимная доблесть в Кавказской войне горцев и русских — слава, подвиги с обеих сторон — объединили ту и другую стороны¹²¹. В исторической памяти казаков, как и в фольклоре адыгских народов Северного Кавказа, сохранилась эта обоядная положительная акцентировка, идущая именно со времен Кавказской войны. Для казаков же исполнение исторических песен той эпохи было своего рода «историческим обоснованием прав славянского населения на Кавказ»¹²². Показательно и то, что очень скоро начинается активное включение горцев в жизнь Российской империи. Для кавказских народов служение в регулярной российской армии было делом добровольным, но при этом 42 тыс. добровольцев участвовали в русско-турецкой войне 1877—1878 гг. Тогда было создано несколько иррегулярных полков, в том числе Терско-Горский, Кабардино-Кумыкский, Чеченский, Дагестанский и др.¹²³ Постепенно создается военная элита из горских знатных фамилий, получивших дворянское звание¹²⁴.

На Кавказе действовала гибкая система управления: наряду с общегубернской для русского населения существовала военно-народная — для «инородческих территорий». Сельские общества имели свои самоуправления, находившиеся под властью старшин и народных судей. Управлялся Кавказ наместником российского императора (с некоторым перерывом во второй половине XIX в.), который имел «неограниченные политические полномочия»¹²⁵. Со второй половины XIX в. начался методичный процесс замены русских чиновников представителями местных народов, получившими образование¹²⁶. Наиболее

памятным для Кавказа с точки зрения культурных инициатив стал наместник Кавказа князь М. С. Воронцов (1845—1854)¹²⁷. Важное значение для церковной миссии среди горских народов имели личная религиозность наместника, его дружеские отношения с главами основных конфессий — армянской и грузинской православной. Другой выдающийся администратор на Кавказе — князь А. И. Барятинский, также проявляя личную инициативу, в 1860 г. утвердил Общество восстановления православного христианства на Кавказе¹²⁸.

Тот цивилизационный проект, который развернула Россия на Северном Кавказе, был бы невозможен без деятельности Русской Православной Церкви. Православная духовность была сутью этого проекта: остановить зло, которое здесь совершалось, укрепить закон и порядок и дать возможность народам этого региона пользоваться всеми достижениями русской православной цивилизации. Создание церковной инфраструктуры диктовалось заботой о русском населении (казаках и жителях городов), а потому не ставилась задача ведения прозелитической деятельности среди мусульман. Миссия велась очень осторожно только среди горцев-язычников.

Как отмечают исследователи, православное казачество, устраивая свою жизнь на кубанской и кавказской земле, не видело здесь своего существования без храма. После заселения в станице сначала строилась часовня (на первом году поселения), затем в течение нескольких лет возводился храм. У воинского и линейного казачества были свои различия в отношении храмоздательства. У воинских кубанцев (потомков черноморских и донских казаков), по мнению С. Н. Рыбко, была более строгая религиозная направленность¹²⁹. Они строят не только храмы,

¹²⁰ Матвеев О. В. Историческая картина мира.... С. 206. Автор отмечает, что «с окончательным покорением в глазах казаков связано установление добрососедских отношений с карачаевцами».

¹²¹ Горожанинова М. Ю. Взаимоотношения казаков и горцев во взглядах К. В. Россинского // Мир славян Северного Кавказа. Вып. 2. Краснодар, 2005. С. 184—191.

¹²² Там же. С. 210.

¹²³ Артамонов В., Васильев, А. Национальные воинские формирования в русской армии XV—XX веков... // Отечество. Вып. 3. М., 1992. С. 121.

¹²⁴ Матвеев В. А. Представленность интересов казачества и туземных обществ в системе управления на северокавказской окраине России во второй половине XIX — начале XX в. // Памяти Ивана Диомидовича Попки: Из прошлого и духовного наследия северокавказского казачества. Краснодар, 2003. С. 94—99.

¹²⁵ Там же. С. 95, 97.

¹²⁶ Там же. С. 98.

¹²⁷ Лазарян С. С. Сюжеты религиозной политики Кавказской администрации в середине 40-х — середине 50-х годов XIX в. // История и культура народов Северного Кавказа. Сборник научных трудов. Вып. 2. Пятигорск, 2005. С. 68.

¹²⁸ Клычников Ю. Ю., Ключникова М. В. Из истории религиозной политики России на Северном Кавказе (конец XVIII—1864 г.) // История и культура народов Северного Кавказа... С. 51.

¹²⁹ Рыбко С. Н. Православие у Кубанского казачества // Очерки традиционной культуры казачества России. Краснодар, 2005. Т. 2. С. 44.

но сразу принимаются за монастырь. Уже в 1790-е годы при заселении территории войсковым судьей Антоном Головатым перед казаками ставятся миссионерские задачи: «он мечтал совершенно соединить закубанских черкесов с черноморцами, присоединить их к России не силою, а мирным путем и со временем вводить постепенно между ними христианскую религию, остатки которой еще были заметны от прежнего христианства, утраченного при введении турками ислама»¹³⁰. Но в целом кавказское казачество (и линейное, и войсковое) не было готово к такой открытой миссии из-за разнообразия верований.

У линейного казачества укрепление церковной жизни благодаря храмовому и монастырскому строительству, шло не так быстро, как у войсковых казаков-черноморцев. Например, Хоперский линейный полк, прибывший в 1777 г., уже в 1790-е годы имел во всех станицах новые храмы¹³¹. Хоперцы представляли слободское казачество и имели предками служилых людей Московского государства, отличались истовостью в православии. Другой линейный полк — Кубанский — состоял из донских казаков, не имеющих религиозного единства: одни относились к старообрядцам (поповцам и беспоповцам), другие считались православными. Именно старообрядцы были здесь главной силой. Из-за религиозной разобщенности православные кубанцы долго не обзаводились станичными церквами. Был еще и Кавказский конный полк из однодворцев Слободской Украины. В нем преобладало православное казачество, но были и старообрядцы. Вот почему у кавказцев строительство храмов растянулось на длительное время. С 1841 г. вместе с началом колонизации Закубанья туда стали переселять прежде всего казаков-староверов. Тем самым возросла однородность православного казачества на Кубани¹³². Позитивным изменением было создание в 1832 г. из отдельных полков Кавказского линейного войска. Храмы стали возводиться централизованно, на капиталы войсковой кассы. В целом ситуация с храмами на начало XX в. выглядела так: в Кубанской области насчитывалось 363 храма, каждый четвертый был каменным или кирпичным¹³³.

На Северном Кавказе возникло два типа православных монастырей: условно говоря, «местные», образованные по инициативе самих казаков, и «миссионерские», основанные выходцами со старого Афона. Именно вторые, хотя их было два (в Закавказье функционировал еще один — Ново-Афонский мужской монастырь), выполняли самую широкую цивилизационную миссию, а не только благотворительную, как «местные» монастыри. У афонцев в Свято-Михаило-Афонской Закубанской общежительной мужской пустыни существовало образцовое хозяйство: земледельческое — 2000 десятин земли для зерновых и виноградников; промысловое — рыболовство, скотоводство, пчеловодство, сорбание трав и ягод; и промышленное — кожевенный, свечной, кирпичный, сыроваренный, рыболовный заводы, паровая мельница, маслобойня), а также научный центр (метеорологическая станция), бесплатные богадельня, больница, школа. Меньший масштаб, но месте с тем многостороннее направление деятельности имела и другая афонская пустынь — Александро-Афонская Зеленчукская общежительная пустынь¹³⁴. У афонских пустыней имелись еще скиты для отшельников и подворья в городах.

Женское монашество также появилось из двух источников: местного и пришлого. Одна часть женских обителей возникла по инициативе самих казаков (самая первая пустынь во имя святой равноапостольной Марии Магдалины в Черномории), другая — возникла при участии афонских монахов или даже старцев из Центральной России. Так, Иверско-Алексеевская женская община была основана по благословению оптинского старца Амвросия¹³⁵. Во вторых обителях существовала более строгая аскетическая жизнь. К 1890-м годам в Кубанской области существовало девять мужских монастырей и три женских¹³⁶. О значении русских православных монастырей на кавказском рубеже прекрасно сказал помощник главнокомандующего генерал-лейтенант Фризе, который на вопрос Св. Синода: нужен ли в Сухумском округе новый женский монастырь, — ответил (1898 год), что появление монастыря, на месте захоронения

¹³⁰ Там же. С. 43–44.

¹³¹ Колесников В. А. Религиозная жизнь линейных казаков Кубани // Дело мира и любви... С. 90.

¹³² Там же. С. 97. Автором приводятся данные на 1868 г. о соотношении православных казаков и иных: православных — 443 772, старообрядцев и сектантов — 81 99 чел. (С. 99).

¹³³ Матвеев О. В. Предисловие // Дело мира и любви... С. 7.

¹³⁴ Бороденко В. Е. Монастыри и монашество // Дело мира и любви... С. 226.

¹³⁵ Там же. С. 228.

¹³⁶ Рыбко С. Н. Кубанское казачество. Православие // Очерки традиционной культуры казачества России. Т. 2. С. 47.

святителя Иоанна Златоуста будет полезным «и не только в интересах религиозных, но главным образом в виду той громадной государственной пользы, которую приносят русские монастыри в Закавказье среди инородческого населения, как культурные очаги и рассадники русского влияния и просвещения... Из примеров существующих в крае русских монастырей (мужской Новый Афон, женский Бодбийский) видно, что последние, привлекая к себе массы паломников из внутренних губерний и из местных туземцев, способствуют сближению русского элемента с туземным и ознакомлению последнего с русским бытом».¹³⁷

В своих образцовых школах русские монастыри воспитывают детей туземцев в наиболее желательном направлении, а благодаря прекрасно поставленному хозяйству, тяготеющему по условиям монашеского труда [к образцовому уровню], монастыри эти не только поднимают общий уровень экономического благосостояния края, [обрабатывая] с наибольшей производительностью находящуюся в их распоряжении землю, но и наглядно распространяют в туземном населении более совершенные приемы хозяйства и вообще, сельскохозяйственные знания»¹³⁷.

Церковная жизнь на Северном Кавказе подчинялась сначала военному, а потом полувоенному положению (за счет охранных функций казачества), в котором этот регион пребывал с XVIII по XIX век. Этой цели служили и приходские храмы, и большая часть монастырей. Даже то, что длительное время (1845—1867) линейное казачество было выведено из-под надзора правящего архиерея и подчинено обер-священнику Отдельного кавказского корпуса¹³⁸ по требованию казаков-староверов гребенцов, говорит о приоритете военной службы над мирной.

Взгляд на Кавказ из «Центра»

Взгляд на Кавказ со стороны российского центра несколько отличен от взгляда на Сибирь. Совершенно очевидно, что Кавказ для русского народа не являлся таким же полномасштабным приложением сил, сюда не устремлялись много-миллионные народные потоки, не было и таких

народных чаяний и представлений об этом регионе. Кавказ был регионом с уже сложившейся историей, с богатым культурным прошлым. Это прошлое рождало в России романтическое отношение к Кавказу. Его романтикой были очарованы, конечно, образованные слои общества — русские аристократы, писатели, культурная и образовательная элита России. И тон здесь задавали «писатели-державники» А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, А. С. Грибоедов. Именно их поэтическая и гражданская точка зрения победила, хотя были и другие взгляды на Кавказ, на казачество и его место в русской истории¹³⁹. Кроме писателей и поэтов, в созидании «романтического Кавказа» участвовали художники, государственные деятели, русское офицерство¹⁴⁰. Например, такой яркий художник-баталист, как князь Г. Г. Гагарин, впервые представил обществу картины с видами воюющего Кавказа, где горцы показаны «с чувством уважения к их спокойному мужеству»¹⁴¹. Все знаменательные события Кавказской войны, в том числе пленение Шамиля нашли отражение в его сюжетах. Картины имели большой успех у светской публики, которую привлекала, в том числе, их этнографическая ценность.

Романтизм создавал благоприятную среду для органичной культурной цивилизационной деятельности в этом регионе, что, несомненно, смягчало и даже уничтожало остроту политических коллизий. Но отсутствие моши русского крестьянского участия в хозяйственной жизни региона вносило свою умалывающую специфику в цивилизационную составляющую. К тому же казацкое население не было конфессионально однородным, учитывая немалое число старообрядцев, сектантов. Православная Церковь не имела здесь таких выдающихся миссионеров, какие были в Сибири. Хотя на Кавказе и стал развиваться крупный монашеский проект (устройство нескольких мужских монастырей), кури-руемый со старого Афона. И это было связано, скорее всего, с тем, что на Кавказе находился Первый удел Божьей Матери — Иверия (Грузия).

Выводы. Главное зло, с которым пришлось столкнуться России на южном, кавказском рубеже, заключалось в существовании *набеговой*

¹³⁷ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 797. Оп. 68. Д. 2. II отд. III ст. Л. 95 об.—96.

¹³⁸ Бороденко В. Е. Церковное управление в Черноморско-Кубанской области в конце XVIII—начале XX в. // Дело мира и любви... С. 55.

¹³⁹ Матвеев О. В. Явление казачества в истории и культуре России... С. 24—44.

¹⁴⁰ Матвеев О. В. Историческая картина Мира Кубанского казачества... С. 354.

¹⁴¹ Великая Н. Н. Художник, военный, миротворец (штрихи к портрету Г. Г. Гагарина) // Мир славян Северного Кавказа. Вып. 3. Краснодар, 2007. С. 245.

экспансии (термин в. А. Матвеева) со стороны ряда горских народов. И поэтому устранение данного препятствия оказалось основным предварительным условием решения цивилизационного вопроса. Эта проблема для горских народов, на наш взгляд, возникла вследствие того, что монгольское кочевническое нашествие XIII—XIV в. прервало здесь ход исторического развития: оставшиеся в живых народы Северного Кавказа были оттеснены в горы, прервалась связь (торговая и культурная) с доброжелательными политическими соседями, в том числе и с Русью. Кочевнический мир бывшей Золотой Орды (Крымское и Астраханское ханства), а до них — половцы и печенеги — вовлекали оседлый земледельческий и скотоводческий Кавказ в орбиту своего образа жизни — набеговую систему — и сильно преуспели в этом. По сути, мы видим на Кавказе вариант взаимодействия бывшей когда-то стабильной системы (каким был Кавказ в раннее средневековье) с нестабильными кочевническими системами активного характера и экспансионистской направленности.

По подсчетам исследователей, с XVI до конца XVIII в. набеговый экспансионизм на Кавказе, направляемый Турцией, поощряемый и организуемый татарами-крымчаками, унес жизни около 5 млн восточных славян¹⁴². До сих пор вопрос о разрушительности набеговой системы для цивилизации так и не решен в полной мере в рамках научного дискурса. Нельзя относить набеги к культурной самобытности тех или иных народов, но необходимо дать им вполне определенную оценку. Это деструктивное явление, с которым действительно следовало бороться, поскольку оно мешало и соседям, и самим горским народам развиваться дальше. Приведем со ссылкой на статью В. А. Матвеева выводы другого исследователя — З. Б. Кипкеевой о негативных последствиях набеговой системы для самих горцев. Опираясь на фольклорные источники кавказской диаспоры в Турции, З. Б. Кипкеева делает вывод, что «набеги, в частности карачаевцев и балкарцев, до присоединения к России представляли постоянную угрозу для этнического развития, так как

приводили не только к экономическому разорению из-за массового угона скота, но и похищению людей»¹⁴³. Но споры о колониальном (в западном смысле) характере русской войны за Кавказ в XIX в. продолжаются. России вменяется в вину уход нескольких сот тысяч черкесов со своих земель в Турцию после окончания Кавказской войны.

Но если посмотреть на ситуацию в историческом контексте, то следует отметить, что Турция, как главный политический опекун этого региона с XV в., не заботилась об уничтожении набеговой системы, и вплоть до XVIII столетия это зло явно поощрялось. Тем более, что набеги не были связаны с Кавказской войной, как пытаются представить это некоторые исследователи¹⁴⁴, они также регулярно происходили и до войны¹⁴⁵. Исследователь этой проблемы отмечает, что только решение вопроса о границах с Турцией могло вывести эту ситуацию из тупика. На турецко-кавказском пограничье активно действовали турецкие эмиссары, распространяя мюридизм, подталкивая «всех мусульман объединиться против России»¹⁴⁶.

Вместе с тем, даже находясь в тяжелой ситуации, Россия не спешила быстро решать этот вопрос. Создавались военные линии, но они лишь частично решали проблему¹⁴⁷. Россия сдерживала свою активность, периодически ведя с горцами дипломатические переговоры. Даже когда вспыхнула Кавказская война (1774 г.), еще до начала XIX в. существовал запрет на преследование горцев за Кубань.

И только в ходе полувекового ожесточенного противостояния, когда продолжали гибнуть и уводиться в рабство люди (и в ходе войны, и из-за набегов), черкесам была предложена жесткая альтернатива: или спускаться с гор и расселяться в долинах, на новом месте, или уходить в Турцию. Чтобы подчеркнуть важность этой инициативы, ее высокий характер, была организована встреча в Тамани императора Александра II с горской элитой — старейшинами и военачальниками¹⁴⁸. Была оказана высокая честь — столь важный момент для горского характера: черкесов про-

¹⁴² Матвеев В. А. Набеговая экспансия и проблема выживаемости восточных славян на Юге России (историческое эссе) // Мир славян Северного Кавказа. Вып. 2. Краснодар, 2005. С. 214.

¹⁴³ Там же. С. 220.

¹⁴⁴ Скибицкая И. М. По поводу одной дискуссии // Мир славян Северного Кавказа. Вып. 2. Краснодар, 2005. С. 224–236.

¹⁴⁵ Матвеев В. А. Набеговая экспансия и проблема выживаемости восточных славян на Юге России... С. 215.

¹⁴⁶ Там же.

¹⁴⁷ Там же. С. 218.

¹⁴⁸ Скибицкая И. М. «Рад видеть своими подданными...» (еще раз о встрече Императора Александра II с горцами осенью 1861 г.) // Алексеевские чтения. Под. ред. О. В. Матвеева. Краснодар, 2004. С. 49–55.

сил оставаться в России сам царь. Месяц давался адыгам на размышление — «желают ли они переселиться на Кубань, где получат землю в вечное владение и сохранят свое природное устройство и суд», или им придется выселиться в Турцию¹⁴⁹. Горцы в 1861 г. отказались от этого предложения, и война продолжилась до 1864 г., а после мирного соглашения и признания победы русского оружия часть черкесов и крымских татар ушла с семьями в Турцию.

Цивилизационной спецификой этого пограничного рубежа России можно считать создание лимитрофа сугубо за счет казачества. Оно являлось здесь основной группой русского населения, которая к тому же поглощала и растворяла в себе (добровольно или под нажимом государственной власти) приходящие крестьянские массы (русские и украинские). А поскольку требовалось время для реального перехода в казачество, эти две группы казаков так и продолжали существовать. Но центром всему было казачество.

Благодаря присутствию казачьих сил и их тесным отношениям с кавказскими народами, активно решалась проблема культурного просвещения всего Кавказа. Вместе с тем, господствующее положение казачества (близкого к военному сословию) как главной русской цивилизационной силы здесь создавало все же жесткий каркас, внутри которого не было необходимого люфта для широкой крестьянской хозяйственной деятельности, что представлялось характерным для Сибири. Вот почему кавказское общество продолжало оставаться по сути корпоративным и в определенной степени обособленным внутри себя.

Корпоративным было и присутствие здесь Православной Церкви в виде приходов в казачьих станицах и монастырей. Кавказское духовенство

в отличие от Центральной России не являлось замкнутым сословием, оно пополнялось большей частью из казаков. Но в этом и была его корпоративность, поскольку казаки некоторым образом дистанцировались от русских, считая себя отдельным народом. Даже на храм, как отметил О. В. Матвеев, у казаков-станичников был особый взгляд: «подобных храмов, — считали в каждой станице, — больше нигде нет»¹⁵⁰. Полковой священник «нередко выступал связующим звеном между воинским подразделением и станицей»¹⁵¹. И кавказским монастырям приходилось приспосабливаться к местным условиям. Если монастырь не был связан корнями с казаками (к таковым относились два монастыря, основанные афонцами), то он и рассматривался в какой-то мере не как свой. Их тоже посещали и ценили, но ценили именно за строгость устава и святыни в них¹⁵². В свой же монастырь казаки ходили и учиться грамоте, и говеть один-два раза в год, и годовой праздничный цикл здесь был окрашен местной спецификой.

Несомненно, что уже до революции 1917 г. на Северном Кавказе были решены многие важные цивилизационные задачи: сюда пришли города с их инфраструктурой — государственными, культурно-образовательными, здравоохранительными¹⁵³, научными центрами¹⁵⁴. Местные народы в лице военной и культурной элиты получили возможность посредством образования, службы и законодательного оформления их статуса, включиться в общероссийскую сословную систему¹⁵⁵. Рядовое горское население освободилось от изнурительной набеговой системы, и в целом мирный труд возобладал¹⁵⁶.

Западные рубежи цивилизации. Западные рубежи стали цивилизационно оформляться в самый ранний период российской государ-

¹⁴⁹ Там же. С. 54–55.

¹⁵⁰ Матвеев О. В. Предисловие // Дело мира и любви... С. 7.

¹⁵¹ Там же.

¹⁵² Бороденко В. Е. Основные функции монастырей Северного Кавказа. Конец XVIII—начало XX в. // Сбережение народа: традиционная народная культура. Материалы научно-практической конференции. Краснодар, 2007. С. 119–124.

¹⁵³ Василенко В. Г. Распространение российской системы здравоохранения на Северный Кавказ в дореволюционный период // Мир славян Северного Кавказа. Вып. 3. Краснодар, 2007. С. 147–157.

¹⁵⁴ В период наместничества графа М. С. Воронцова, которое называют для Кавказа «золотым веком», широко развернулась культурная и образовательная деятельность: «учреждено кавказское отделение Русского географического общества, началось археологическое изучение края, в Тифлисе появилась первая публичная библиотека, первый музей, первая обсерватория». (Великая Н. Н. Художник, военный, миротворец (штрихи к портрету Г. Г. Гагарина) // Мир славян Северного Кавказа. Вып. 3. Краснодар, 2007. С. 248).

¹⁵⁵ Максидов А. А. Адыгские князья на службе России // Во имя России: спасительный путь Государя Николая II. Материалы научно-практической конференции. Краснодар, 2004. С. 82–85; Лоов З. А. Лоовы на службе Отечеству // Указ. соч. С. 79–82.

¹⁵⁶ Хотя набеги в виде единичного явления (абречество) продолжали существовать. Но эти люди уже преследовались властью и несли уголовную ответственность по общероссийским законам.

ственности — еще в пору существования Киевской Руси. Перемещение центра из Киева во Владимиро-Сузальскую Русь в XII в. было тем началом складывания центра и окраины, которое в зародыше уже имело цивилизационную структуру. Западная окраина России с этого момента стала устраиваться не как узкая и подвижная политическая граница (фронт), но как лимитроф, границы которого совпадают с политическими границами современных Украины, Белоруссии, частично Латвии, Литвы и Польши. В XVIII—XIX столетиях эти государства или их части входили в Российское государство на правах губерний. На Украине преимущественно проживали полу военное казачье сословие и крестьянство, на территории Белой Руси — большей частью сельское крестьянское население. Основная форма взаимодействия с этим регионом у центра была политическая. Здесь постоянно квартировала основная часть российских войск¹⁵⁷, трудился большой дипломатический корпус и в соответствии с присутствием военных и дипломатов, большого числа чиновников выстраивалась вся инфраструктура (экономическая, культурная, социальная) региона.

После Северной войны войска находились в Лифляндии, Эстляндии. Прибалтийская политическая и экономическая элита состояла из крупных немецких землевладельцев. И с этим обстоятельством России долгое время пришлось мириться. В регионе сохранялась внутренняя автономия самоуправления, подтверждались права немецких землевладельцев, они были уравнены в правах с российским дворянством¹⁵⁸. «Корпоративная замкнутость дворянской олигархии» в Прибалтике была уничтожена лишь в 1780 г. указом Екатерины II, в результате чего местные помещики — латыши и эстонцы, как и другие слои граждан, могли участвовать в политической жизни¹⁵⁹.

В Латвии (Латгалии) «к 1772 году (первому разделу Речи Посполитой и присоединения к России) русские жили во всех трактатах...

причем большинство их концентрировалось в Резекненском и Динабургском трактатах»¹⁶⁰. Здесь были и крестьяне, пришедшие в Латвию еще в начале XVII в., после Смуты, но большая часть — старообрядцы разных толков. Старообрядческие общины, как и в других местах, жили обособленно, экономически и социально самодостаточно (свои школы, больницы, заводы, мызы)¹⁶¹. Многолюдная русская крестьянская миграция из средней полосы России в Польшу, Лифляндию и Курляндию зафиксирована во второй половине — начале XIX в.¹⁶². Крестьяне селились на землях польских и прибалтийских помещиков, которые не выдавали беглых в Россию. С конца XVII в. появились отдельные русские деревни или же смешанные селения, состоявшие из двух этнических групп — русских и местных крестьян¹⁶³. И все же численно большая часть русских жила не в сельской местности, а в городах, в основном в Риге. Со второй половины XIX в. началось официальное переселение русского населения в Латвию и Польшу на казенные земли, конфискованные у польских помещиков, участвовавших в восстании 1863 г.¹⁶⁴. Русское присутствие в Прибалтике обеспечивалось и за счет возможности для русского дворянства покупать здесь земли и создавать имения. Продавались казенные участки от 300 до 1000 десятин¹⁶⁵. С 1837 г. русский язык вошел в школьную программу, а в 1850 г. стал обязательным для делопроизводства¹⁶⁶, благодаря чему стало возможным вести и активную культурную деятельность в Латвии.

В Эстляндии также после Северной войны шел процесс расселения русских крестьян в эстонских и смешанных хуторах, приводивший к ассимиляции русских. Более компактно и самостоятельно жили русские, которые занимались рыбным промыслом. Отмечается, что «эстонцы заимствовали у русских (рыболовов. — О.К.) более эффективные способы и орудия труда»¹⁶⁷. Также и в крестьянской и ремесленной среде: русское население положительно повлияло на

¹⁵⁷ Русские в Евразии. XVII—XIX вв. М., 2008. С. 120.

¹⁵⁸ Александров В.А. Политика российского правительства по национальному вопросу // Национальная политика в России. Кн. 1. Середина XVII—конец XVIII в. М., 1992. С. 28.

¹⁵⁹ Там же. С. 29.

¹⁶⁰ Русские в Евразии... С. 118.

¹⁶¹ Там же. С. 119.

¹⁶² Там же. С. 114.

¹⁶³ Там же. С. 126.

¹⁶⁴ Там же. С. 130.

¹⁶⁵ Там же.

¹⁶⁶ Там же. С. 132.

¹⁶⁷ Там же. С. 146.

земледельческую культуру местного населения и способствовало развитию новых ремесел¹⁶⁸.

Важным обстоятельством, сближившим русское и местное население (как в Латгалии, так и в Эстляндии), было противостояние насилию немецких баронов. Поначалу даже местная патриотическая интеллигенция активно действовала на стороне России и русских в противовес немцам¹⁶⁹. Переход в православие здесь имел нередко политическую подоплеку: «обрести защиту российского монарха»¹⁷⁰.

Чтобы оценить степень цивилизационной деятельности России в этой части Прибалтики, отметим тот факт, что «Остзейские земли» находились под многовековым немецким владычеством. Местное население — эсты и латыши — не имели тогда ни государственности, ни дворянства, ни собственных местных органов управления¹⁷¹. Эстонский и латышский языки допускались немцами как простонародные, государственным же считался немецкий. Эти земли отошли к России после Северной войны за деньги, выплаченные Швеции. Достаточно длительное время и после вхождения в состав России господствующее положение в крае немецких помещиков, лояльных к России, сохранялось, так как у местных народов не было собственной элиты, а в Петербурге долгое время была сильна «немецкая партия» при императорском дворе. Но принимались меры по экономическому и культурному развитию края. В 1816—1819 гг. здесь было отменено крепостное право, однако без наделения землей. Укрепление связей с Россией привело к тому, что к середине XIX в. начались процессы создания культурных объединений (обществ) из числа появившейся интеллигенции (в чем огромная роль принадлежала Петербургу, где латыши и эстонцы могли получать высшее образование). Это совпало с началом курса на русификацию, которая также активно приветствовалась всеми слоями эстонского и латышского народов¹⁷². Русификация означала введение русского языка в официальное делопроизводство и школу. В 1739 г. у эстонцев появилась Библия

на эстонском языке, в 1802 г. был заново открыт Дерптский университет, ориентировавшийся уже не только на немецкую профессуру и студенчество.

Первая мировая война затронула и эстонцев, тогда из числа эстонских офицеров Российской армии, вырос костяк кадров будущей армии независимой Эстонии (с 1918 г.). Таким образом, через 200 лет там, где было сплошное крестьянское население, не имелось национальной интеллигенции, национальных школ, России удалось создать государство европейского уровня. Национальное движение за независимость и свободу от русификации стало разворачиваться здесь сначала в среде сельской школьной интеллигенции, зависимой от немецкого образования¹⁷³, а потом охватило и всю интеллигенцию, очевидно, под влиянием революционных сепаратистских процессов в целом во всем Западном крае. Став свободной, Эстония вернулась к приоритетам немецкой ментальности, к немецкой культурной традиции, находя, что в области культуры Германия превосходит Россию.

Белоруссия. С XVI в. эта территория некогда Древнерусского государства вошла в состав Речи Посполитой, после чего начался процесс окатоличивания и ополячивания русского населения¹⁷⁴. В этом сложном взаимодействии с Польшей и Литвой проявилась новая этническая специфика, белорусская¹⁷⁵. Православие и этнический фактор продолжали быть сдерживающим фактором в сохранении идентичности белорусского народа, хотя до первой четверти XIX в. здесь продолжали действовать только польские школы и белорусы руководствовались правовым кодексом Великого княжества Литовского 1588 г. Процесс деполонизации начался после польского восстания 1830—1831 гг.: стали создаваться русские школы, земли польских конфедератов передавали русским помещикам, значительно увеличилось военное присутствие и армия выступала «мощной силой в осуществлении деполонизации региона»¹⁷⁶. Тот факт, что здесь, как и в пограничной с Польшей Галиции, полностью исчезло старое русское

¹⁶⁸ Там же. С. 147.

¹⁶⁹ Там же. С. 157.

¹⁷⁰ Там же. С. 156.

¹⁷¹ Федосова Э. П. Культурно-национальное возрождение народов Прибалтики в контексте Российской национальной политики (вторая половина XIX—начало XX в.) // История народов России в исследованиях и документах. М., 2004. С. 83.

¹⁷² Там же. С. 87—88.

¹⁷³ Там же. С. 93.

¹⁷⁴ Русские в Евразии... С. 158.

¹⁷⁵ Термин Белая Русь появляется уже в XVI в., но процесс этногенеза продолжался до XIX в. Поляки настаивали, что белорусы — это часть польского народа.

¹⁷⁶ Там же. С. 161.

дворянство, а элита стала польской и католической, в ономестном осложнении процесса деполонизации.

В крае активно проходило расселение русского крестьянства. Средний показатель этой расселенности по всем белорусским губерниям был 6,2 %¹⁷⁷. Колossalные изменения произошли в регионе в области культуры и образования: в каждом селении существовала русская школа, в городах открывались средние, среднетехнические заведения. Российской академии наук вела активную работу, посылая сюда экспедиции, устраивая школы, готовя специалистов. Так возникла Рисовальная школа в Вильно, которая стала крупным художественным центром в крае, появился русский театр, белорусская музыка вошла в репертуар русских композиторов¹⁷⁸. Все эти культурные новшества позволили появиться белорусской интеллигенции, тесно связанной с русской культурной традицией. Большое значение имело для белорусского народа возвращение православия, массовое строительство приходских храмов и монастырей.

Основной цивилизационной особенностью Белоруссии, по сравнению с двумя соседними братскими народами — русским и украинским, было отсутствие здесь казачества, важнейшего структурообразующего элемента для цивилизационного пограничья. Именно это привело к тому, что в этом регионе не сложилось военной элиты, подобной казацким старшинам на Украине и русскому боярству и дворянству в России, а на позднем этапе выросла лишь интеллектуальная элита (интеллигенция). В этом смысле судьба Белоруссии близка судьбам Латвии и Эстонии. России сложнее было устраивать лимитроф в этой части западного пограничья и тяжелее возвращать православие и утверждать цивилизационный мир. Украина в религиозном плане была более четко разделена на католическую (униатскую) и православную части, в то время как Белоруссия, хотя и не в такой интенсивности была затронута католичеством, но последнее более равномерно распространялось по всей территории и в целом, как нам кажется, более в целом повлияло на менталитет белорусов, чем украинцев.

Украина. К 1654 г. — времени добровольного вхождения Украины в состав России — этот

восточнославянский регион приобрел уже черты, отличные от общей русской традиции. Многовековое польское влияние, в том числе религиозное католическое, политический отрыв этих земель от Московской Руси на долгое время — все это не могло не сказаться на изменении этнического самосознания жителей Украины. К моменту вхождения в состав России Украина представляла собой казачью «гетмановскую державу» (А. М. Авраменко), управлявшуюся гетманом и состоявшую из казаков, как основной группы населения, и помещичьих крестьян. Но миграция русского населения из Центральной России началась сюда раньше, с первой половины XVI в.¹⁷⁹ Важны мотивировки при вхождении той и другой стороны. Для России, как отмечает В. А. Александров, главным была — поддержка единоверцев. Польская сторона обвинялась в гонении на «православную христианскую веру и на святыи Божии церкви»¹⁸⁰. Украинская сторона — «все войско Запорожское и все православные христиане» в лице гетмана Богдана Хмельницкого — также говорит о врагах — гонителях Церкви и Православия, но с большей силой и акцентом, обращая внимание на тяжесть гонений: «хотящими искоренити Церковь Божию, дабы и имя Русское не помянулось в земле нашей»¹⁸¹. В речи Хмельницкий называет свою землю Малой Руссией. Вместе с тем польское влияние на малороссов и в первую очередь на казацких старшин привело к росту в их среде сепаратизма как нормы поведения, и это в значительной степени повлияло на последующие события — сложности пребывания Украины в составе России. Сепаратизм породил украинский национализм — уже идеологический продукт, созданный в проавстрийской и пропольской интеллектуальной среде¹⁸². Немалая часть украинской элиты была заражена неприятием против «Московии и москалей», в то время как простой народ не отделял себя от русского народа, как братского. Водоразделом для всех стала вера — православная или униатская (греко-католическая), ориентация или на Запад, или на Восток.

Характерно, что церковная иерархия на Украине являла собой образец противополож-

¹⁷⁷ Там же. 163.

¹⁷⁸ Там же. С. 165–168.

¹⁷⁹ Там же. С. 220.

¹⁸⁰ Александров. В. А. Политика российского правительства по национальному вопросу... С. 18.

¹⁸¹ Национальная политика в России. Кн. 1. Середина XVI — конец XVIII в. М., 1992. С. 45.

¹⁸² Марчуков А. В. «Русские» или «украинцы»?: Пути национального развития населения Галиции глазами австрийских дипломатов // История народов России в исследованиях и документах М., 2007. С. 202.

Зимногорский монастырь, Псковская обл.
Фото. А. И. Юрченко

ный политической элите с ее прозападной ориентацией: здесь существовала сильная православная иерархия, в то время как униаты не имели такой архиерейской базы и довольствовались только большим числом приходского духовенства. Яркое свидетельство тому — широкое привлечение Петром Великим и последующими царственными особами на российском троне украинского монашества к миссионерской деятельности. Украина дала России в XVIII в. огромное число архиереев, часть из них была прославлена потом Русской Православной Церковью в лице святых¹⁸³, немало прекрасных проповедников, катехизаторов и священников.

Русское присутствие после воссоединения Украины в количественном отношении было следующим: от 0,5 % в 1719 г. до 9,6 % в 1897 г. (2,8 млн чел.)¹⁸⁴. Переселенцы из внутренней России делились на две группы: участники военно-хозяйственной государственной колонизации (основная часть) и те, кто входил в число русской дворянской колонизации

(дворяне-помещики и крепостные крестьяне). Отвоеванное у Турции Причерноморье (Новороссия) заселялось разными этническими группами, в том числе и русскими крепостными крестьянами, там, где были помещичьи владения. Расселение русских на Украине проходило как в сельской местности, так и в городах. М. Б. Булгаков отмечает, что «среди местного населения русские проживали в сегрегационном режиме, то есть существовали обособленными сообществами и не теряли своих этнических отличий, хотя и испытывали некоторое украинское влияние в хозяйственно-бытовом и культурном плане»¹⁸⁵. В целом же в период после 1654 г. не следует разделять русских и украинцев, потому что в этом регионе наиболее органично происходило слияние интересов двух сторон. Некоторое двоевластие существовало до ликвидации гетманства (1764 г.), потом Запорожской Сечи (1775 г.) и, наконец, административно-полкового устройства с украинской стороны и воеводского управления — с российской¹⁸⁶.

¹⁸³ Чернышева Н. К. Указ. соч.; Патерик Сибирских святых. Сост. протоиерей Анатолий Дмитрук...; Святитель Димитрий, митрополит Ростовский...

¹⁸⁴ Булгаков М. Б. Украина // Русские в Евразии... С. 211.

¹⁸⁵ Булгаков М. Б. Указ. соч. С. 220.

¹⁸⁶ Булгаков М. Б. Указ соч. С. 201.

Кроме малороссского или черкасского¹⁸⁷ Запорожского казачества, на Украине существовали группы русского казачества — в верховьях среднего и верхнего Дона (с конца XVI в.), вошедшие потом в состав Донского казачьего войска¹⁸⁸. Казачество — как донское, так и запорожское — чутко реагировало на состояние цивилизационного «центра». Хотя большая часть казаков относилась к восточнославянскому племени¹⁸⁹, но к моменту концентрации казачества на юге (Запорожье и Дон), российский центр еще не был столь сильным и цивилизационно активным, в правление Иоанна IV только начал практически (политически) решаться вопрос о русской цивилизации. Вот почему казаки достаточно длительный исторический отрезок времени, как маятник, двигались к тем политическим центрам, которые являли наибольшую мощь. Таковым центром до XVIII в. была Турция, и мы видим перемещение части Сечи в Порту или же служение запорожцев как подданных крымского хана его интересам¹⁹⁰. В 1770-е годы часть украинских казаков перебирается в Австрию и до какой-то поры служит Австрийской империи. Польско-литовская Речь Посполитая также использовала казаков в своих военных целях¹⁹¹. Положение стало меняться вместе с потерей сугубо военного значения казачества в этом регионе, когда на смену ему пришла российская регулярная армия. Может быть, эта «смена идентичности» и заставляла часть казаков искать военной службы и казачьих вольностей в других державах. Но, как свидетельствует история, казаки не нашли ни в Турции, ни в Австрии того, чего хотели, и потому большей частью возвратились домой. Перевод казачества в состав регулярной российской армии был основной задачей правительства в этом регионе. Это произошло только к XIX в.

Киев с его святынями — Киево-Печерской и Почаевской лаврами — продолжали вплоть до XX столетия быть главным местом русского всенародного паломничества. Сюда направлялся самый значительный поток богомольцев со

всей России¹⁹². Сам по себе этот факт показывает, какое важное церковное значение русский народ отводил этому месту. Конечно, киевское направление паломничества было тесно связано со Святой Землей и Афоном; в силу этих двух факторов приобретало дополнительный импульс духовного внимания. В целом же православная церковная жизнь на Украине, не была такой повсеместно однородной, какой она была в центре России, особенно в сельской ее части, поскольку униатство оказывало сильное влияние на народ.

Взгляд на западные границы из «центра» России. К западной окраине России у русских писателей-державников не было такого трепетно-романтического чувства, каким оно было по отношению к Кавказу, хотя они поддерживали национальную интеллигенцию и сочувствовали ее боли за свой народ (Пушкин и Гоголь). Но Н. в. Гоголь, в конце концов, оказался одиноким в своем желании воспеть *героическое прошлое* запорожского казачества и тем самым придать «взгляду из центра России», романтический, а не реалистический характер. Не была реализована и «славянская карта». С А. С. Пушкина и славянофилов началась еще одна попытка утвердить романтическое видение западной окраины — посредством актуализации общественно-го внимания к «славянскому вопросу»¹⁹³. Этот вопрос в самой Европе начал просматриваться с XVI в.¹⁹⁴, когда эпоха Возрождения закончилась церковной революцией — отделением протестантизма от католичества. Тогда начались активные политические и экономические процессы создания национальных государств на месте княжеств, земель и герцогств, и одновременно началось движение в сторону образования будущих империй. Собственно, это был выход на путь цивилизационного строительства, так как искалось не только отличное, индивидуальное в анналах истории, преданиях и легендах, но и общее, причем разное «общее»: и европейскость, как приобщенность к античной цивилизации, и славянство для славян, а латинство для германоязычных народов.

¹⁸⁷ Авраменко А.М. Территория // Очерки традиционной культуры казачества России. Москва—Краснодар, 2002. Т.1. Под общей редакцией проф. Н.И. Бондаря. С. 189.

¹⁸⁸ Там же. С. 196.

¹⁸⁹ Там же. С. 189.

¹⁹⁰ Там же. С. 190.

¹⁹¹ Там же. С. 191.

¹⁹² Из Воронежской губ. только за 1911 г. отправилось 6 667 мужчин и 14 037 женщин богомольцев. (Отхожие промыслы. Переселенческое и богомольческое движение в Воронежской губернии в 1911 г. / Сост. А.Н. Meerков. Воронеж, 1914).

¹⁹³ Данилевский Н.Я. Указ. соч. С. 308–309.

¹⁹⁴ Мыльников А.С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Этногенетические легенды, догадки, протогипотезы XVI — начала XVIII века. СПб., 1996.

Славянофильство в его русском варианте существенно отличалось от других похожих европейских проектов, поскольку его нельзя сводить к панславизму. В этом идейном течении православие и народность были неотделимы друг от друга, в силу чего славянство рассматривалось как народный элемент, проникнутый духом православия. Славянофилы использовали для своей конструкции только «всечеловеческие» компоненты: внеэтнические славянство и православие. Ничего подобного не было в идеологии англичан, французов, немцев. Там по-иному складывался народный компонент и другим был скрепляющий его духовный фактор. У всех перечисленных европейцев в основе «народа», после череды буржуазных революций, стало признаваться «национальное», т. е. гражданско-правовое начало. Разница в каждой отдельной стране была локальной и не столь важной. Например, в Англии английский национальный тип был ориентирован на аристократию. «Английский джентльмен» — средний тип англичанина вообще, не просто воспитывался, а жестко формировался всеми возможными способами. «Средний француз» был ориентирован на светскость — безрелигиозность, полиэтничность, социальный индифферентизм. Национальный тип немца начал складываться позже всего, и здесь главным была — ориентация на дохристианский германский элемент. Чем-то похоже на славянофильство, но с существенной разницей: немцев интересовало древнее германское язычество, а русских славянофилов — православие.

Европейский «народ-гражданин», единый на уровне культурного бытия, не терпел один другого на политическом уровне. Именно это последнее звено открывало простор национализму, как в Европе, так и в других регионах. Иными словами европейцы не были националистами в индивидуально-личностном смысле. Каждый в отдельности был «культурным и образованным человеком» — европейцем, но как гражданин Франции, он готов был ненавидеть Россию и русских, если «нация к тому призывает», и идти с ней и с ними воевать до их полного истребления или подчинения. Таким образом, область политики стала в Европе средством и местом мани-

пуляции сознанием «народа». Политики лишь избирали, исходя из злобы дня, меру и степень национализма и шовинизма и представляли это как национальный интерес. Таким образом, национализм в Европе стал способом объединения гражданского электората в одно целое и, по сути, до сих пор является механизмом политического управления.

Причем среди европейских мыслителей существовало немало людей, открыто боровшихся с национализмом, и даже, как считают исследователи этого вопроса, общественное мнение было в целом на их стороне. «В немецкой общественной мысли и культуре эпохи Просвещения, начиная с Г. Лейбница, — как отмечает Мыльников, — утвердилась гуманистическая линия, противостоявшая высокомерно-шовинистическому отношению к славянским и другим народам»¹⁹⁵. И действительно, на индивидуальном уровне проблема решалась довольно просто: европейский гуманитарный дискурс был большей частью антинационалистичным, антирасистским и антишовинистичным. А то, что делала страна как субъект международных отношений, было вне этих оценок.

Решив внутри себя проблему национального, европейцы со всей внимательностью и пристрастием смотрели на те страны, где народ еще не превратился в нацию, или же, как это было в России, стал нацией не по европейскому рецепту. Эти страны подвергались жесткой критике с позиций «позитивных европейских ценностей».

Русские славянофилы были в каком-то смысле утопистами для своего времени, так как выражали наивный в своей простоте народный взгляд на славянский мир. Н. Я. Данилевский писал о «всеславянской федерации» под главенством России, новой, более высокой цивилизационной форме существования России, которая позволила бы не только славянам решать вопросы свободы и развития, но и тем народам, которые во зло судеб оказались среди славянского мира¹⁹⁶. Другие говорили о жертвенности, солидарности, единстве. Так думали И. С. Аксаков¹⁹⁷, А. Ф. Гильфердинг¹⁹⁸, Ф. М. Достоевский¹⁹⁹. Славянскую идею, в определенном смысле и на определенном этапе, поддерживала российская

¹⁹⁵ Мыльников А.С. Народы Центральной Европы: формирование национального самосознания. XVIII—XIX вв. СПб., 1997. С. 167.

¹⁹⁶ Данилевский Н. Я. С. 308.

¹⁹⁷ Аксаков И. С. Польский вопрос и русское дело в западном крае // Аксаков И. С. Наше знамя — русская народность. Избр. работы. М., 2008. С. 282–291.

¹⁹⁸ Гильфердинг А. Ф. Статьи по современным вопросам славянским // Собр. соч. СПб., 1968. Т. 2.

¹⁹⁹ Достоевский Ф. М. Дневник писателя за 1876 г. // Полн. собр. соч. М., 1989. Т. 23. С. 43.

власть (войны с Турцией за свободу славянских народов на Балканах).

Но параллельно этому разворачивался другой процесс. В среде либерально-демократической русской интеллигенции нарастало сочувствие к «угнетенным народам» на западном российском пограничье, сначала к украинцам и полякам, потом евреям, финнам, прибалтийским народам. «Славянский вопрос», и в том числе позиция славянофилов, подверглись дружной критике со стороны «либералов и значительной части политической элиты страны»²⁰⁰. Славянофилов по отдельным внутренним вопросам не поддерживало и Российское правительство. И романтизм славянофилов в конце концов был побежден pragmatismом их противников западников.

Главным злом на месте существования западного цивилизационного узла, на наш взгляд, был *сепаратизм*, причем разного толка: политический, религиозный и даже этнический. Здесь было активнейшее польское противодействие не просто российскому, а именно русскому этническому присутствию²⁰¹. На этнический характер польского сепаратизма обращают внимание многие русские историки и публицисты. На этом особо остановился Н. Ф. Дубровин в своем известном труде «Русская жизнь в начале XIX в.»²⁰². Опираясь на большой корпус редких источников, автор показал, как развивались события на русско-польском этническом и политическом пограничье в драматичную эпоху наполеоновских войн. Дубровин отметил, что почвой для складывания высокомерного отношения поляков к русским была культура. Поляки гордились своей культурой и этнической чистотой и считали русских «испорченными славянами», как духовно («схизматики»), так и антропологически (смешанный тип с угрофинами и татарами)²⁰³. Русский язык они называли «холопьим»²⁰⁴, а самих русских «варварами», «медведями», «рабами». Носителями этнических предубежденостей были мелкопоместная шляхта²⁰⁵, духовенство и монахи²⁰⁶. Дружба с Россией в самом начале XIX столетия, когда император

Александр I предоставил полякам все возможные свободы, в ущерб даже русскому населению, ненадолго сделала поляков лояльными подданными. Как только началось наполеоновское завоевание Европы, поляки отовсюду, в том числе и с российской территории, стали уходить и влияться в число легионеров Наполеона. В Австрийской и Прусской части раздробленной Польши оставшиеся там поляки молились: «*Отче наш, Наполеон, французский император, иже еси в Париже, да святится имя твое яко в немецкой, прусской, так и в нашей галицкой земле! Правление польское даждь нам днесь, а ты Франц (император Австрийский), остави нам долги наша, яко же и мы оставляем недостойным чиновникам твоим; не веди нас от скорого искушения, но избави нас от лукавого, дьявольского немецкого народа*»²⁰⁷. В том же духе были переделаны и богоугодная молитва *Радуйся Франция благодатная* и «Верую»: *Веруем в Наполеона*. Когда Наполеон приблизился к границам России, российских поляков, как эпидемия, охватили сепаратизм и антирусские настроения. Они хотели, чтобы украинские и белорусские земли опять принадлежали Польше, напрочь забыв, что до XVI в. это была исконно русская территория.

Митрополит Вениамин (Федченков), которому пришлось какое-то время жить в Польше в 1920-е годы, отмечал ярко выраженный этнический взгляд поляков на русских. Этот взгляд был «Польский катехизис» революционеров, который создавался при активном участии польских ксёндзов: «пункт 10-й. „Помни, что Россия — первый твой враг, а православный есть раскольник (схизматик), и потому не совестись лицемерить и уверять, что русские — твои кровные братья, что ничего против них не имеешь, а только против правительства, но тайно стараешься мстить каждому русскому“»²⁰⁸. Митрополит Вениамин с сочувствием относился к тому, что Польша не раз теряла свою государственность, но считал, что Польша страдала по своей вине,

²⁰⁰ Крючков И.В. Венгрия и славянский мир в интеллектуальном пространстве России в последней трети XIX — начале XX в. // Национальные образы прошлого. Этническая домината в историографии и философии истории. Третий Санкт-Петербургские чтения по теории, методологии и философии истории. 20—21 апреля 2007. СПб., 2008. С. 116.

²⁰¹ Пашаева Н.М. Очерки истории русского движения в Галичине в XIX—XX вв. М., 2007.

²⁰² Дубровин Н.Ф. Русская жизнь в начале XIX века. СПб., 2007. С. 394, 415, 444, 449.

²⁰³ Филатова Н.М. Образ России в польской культуре 1815—1830 годов // Русская культура в польском сознании. М., 2009. С. 126, 129, 136, 138.

²⁰⁴ Там же. С. 406.

²⁰⁵ Там же. С. 415.

²⁰⁶ Там же. С. 443.

²⁰⁷ Там же. С. 457.

²⁰⁸ Митрополит Вениамин (Федченков). Духовный лик Польши. Католики и католичество. М., 2003. С. 187.

т. к. даже будучи свободной, все время пыталась навязывать свой сепаратизм, активно занимаясь прозелитизмом и ополячиванием русского православного населения на территории Белоруссии и Украины. Со стороны русских не было такого этнического предубеждения, каким были проникнуты поляки. Как показывает М. В. Лескинен, в российских этнографических описаниях преобладали позитивные черты поляка²⁰⁹, в русской народной традиции отмечались как положительные, так и отрицательные черты, в русской беллетристике также звучали полярные мнения. В литературе 1830-х годов сохраняются полярные оценки, а вот в 1860-е годы литература разделяется на славянофильскую и западническую. Славянофилы говорят об отрицательных польских чертах, а западники — о положительных²¹⁰. Автор замечает «негативные коннотации польского характера в русской культуре последнего столетия, связанные с пылким патриотизмом и благородными порывами, отчасти отражали не национальное, а эстетическое неприятие того идеального образа, который функционировал ранее и сложился под влиянием польского романтизма»²¹¹. Таким образом, даже негативный образ «поляка» не сводился у русских писателей к этническим чертам, не был оценочно жестким. Польский взгляд на русскую культуру, как считают современные исследователи, не был однозначным: в дореволюционную эпоху (до 1917 г.) положительно оценивалось все то в русской культуре и действительности, что было близко самим полякам, в число же наиболее отрицательных образов входили российская власть (и силы ее защищающие), идеология, вера²¹². Но именно этот — по-католически узкий — взгляд на культуру и определял специфику польского взгляда на Россию и русских. Культурой оправдывался

лишь небольшой периметр русского мира. Сюда не попадало многое из того, что сами русские и сама Россия считали самым важным в себе. Вот почему актуальными были и остаются слова Н. Я. Данилевского, написавшего, что причина польского вопроса — в самих поляках²¹³.

Сегодня, когда *текст* становится продолжением исторического прошлого времени взаимодействия двух народов — русского и польского, — проблема жесткой этнической оценки русских со стороны поляков не исчезла (взять хотя бы проблему Катыни), а приобрела, может быть, дополнительный политический ресурс, когда Польша стала официальным союзником Запада по блоку НАТО и членству в Евросоюзе. В последние годы в Польше подготовлено многотомное издание «Идеи в России», где делается попытка создать каталог «взаимных предубеждений» русских и поляков²¹⁴. Но что мы видим в качестве образца оппозиционной диалоговой пары этого «культурного контекста»? С польской стороны — «гонор»²¹⁵ (в узком смысле — честь, в широком смысле — безграничная свобода), с русской стороны — «душа»²¹⁶. Поляки смотрят на русских с позиции *гонора* (нравственно-оценочный критерий, вписывающийся в этническую оценку), а русские с позиции «*души*» (априори безоценочная позиция). Гонор в отношении русских всегда строился на предубеждении в их варварстве²¹⁷, нецивилизованности, «звериной непредсказуемости» (основная тема польской публицистики XIX в.)²¹⁸. Сегодня, отмечает польский исследователь, «быть в Польше антисемитом неловко, питать антинемецкие чувства неуместно, русофobia же вполне дозволена»²¹⁹. Как ни странно, но именно «нетолерантная» и «варварски медвежья» Россия сегодня демократично позволяет полякам высказывать свой «гонор» и печатать в крупных

²⁰⁹ Лескинен М. В. Поляки и финны в Российской науке второй половины XIX: «другой» сквозь призму идентичности. М., 2010. С. 208.

²¹⁰ Там же. С. 209–210.

²¹¹ Там же. С. 211.

²¹² Липатов А. В. Польша—Россия: цивилизационный аспект национального восприятия (В поисках подхода к аксиологическому осмысливанию европеизма) // Русская культура в польском сознании. М., 2009. С. 143–156.

²¹³ Данилевский Н. Я. Указ. соч. С. 28–29.

²¹⁴ Lazari A. de. Ed. Idee w Rosji, Ideas in Russia: Leksykon rosyjsko-polsko-angielski, vol. 1—5. (Łódź: Semper, 1999—2003).

²¹⁵ Такой вдумчивый исследователь польского характера, как митрополит Вениамин (Федченков) считал, что гонор вырос на почве католицизма. См.: Федченков Вениамин, митрополит. Польский характер и его источники // Духовный лик Польши. Католики и католичество. М., 2003. С. 194–222.

²¹⁶ Поповский С. Польский гонор и русская душа // Новая Польша. 2003. № 3.

²¹⁷ Нам известно, что «русский» в современном польском языке — понятие из низовой лексики, означает что-то вроде «чурка», и поэтому для высокой лексики существует слово «rossiyanin».

²¹⁸ Лазари Анджей де. Поляки и русские глазами друг друга (постановка проблемы на материалах политической карикатуры) // http://src-h.slav.hokudai.ac.jp/coe21/publish/no17_ses/06ozari.pdf.

²¹⁹ Он же. С. 119.

научных российских издательствах нелестную для России польскую точку зрения на российскую историю и русских XIX — XX вв.²²⁰

Поляки отрекаются от всего, что Россия строила и создавала на их территории, хотя признают некоторые неоспоримые факты. «Юзефу Пилсудскому принадлежит известное высказывание о том, что Польша напоминает бублик: съедобная и вкусная часть его — окраина, а центре — пустота... Речь идет, прежде всего, о восточных „Кресах“ — украинских, белорусских и литовских землях — бывших восточных окраинах Польши, которые дали польской культуре целые поколения писателей, художников, музыкантов, этнографов, фольклористов, ученых»²²¹. Стоит вспомнить о том, что и великий польский поэт Адам Мицкевич тоже родился в восточных Кресах — в Белоруссии²²². Факты, сами по себе, многозначительные.

Образование в сельской местности Польши можно считать духовным подвигом русских педагогов, потому что им приходилось трудиться в условиях «резкого неприятия ко всему русскому»²²³. Тем не менее, за XIX век «не менее 30 тыс. поляков получили образование в столичных вузах»²²⁴, в России оставалось трудиться на разных поприщах — научном, педагогическом, художественном — большое число поляков. Именно они в большей степени, смягчали волну антирусских предубеждений в Польше. В целом, *польский вопрос* крайне осложнял на западных рубежах миротворческую деятельность России, но всё же существовал определенный позитив в том, что Польша, как особая политическая территория, укреплялась, а не деградировала, росла и развивалась, несмотря на противодействие самих же поляков. Итогом такой сложной цивилизационной эволюции был позитивный для Польши результат: страна после обретения самостоятельности, после распада Российской империи сразу смогла встать на ноги как равноправное европейское государство, со своей экономикой, политической элитой, армией.

Сложнейшей проблемой для Российского правительства на западном пограничье был «еврейский вопрос», то есть проблема включения еврейского населения с польских, белорусских и западноукраинских земель в цивилизационное пространство России после раздела Польши. *Еврейский вопрос* в этом регионе сложился внутри польского вопроса, и в этом была его особенность. В целом же трудность для правительства состояла в том, что оно столкнулось с крайней замкнутостью еврейских общин в силу их религиозной специфики. Черта оседлости, введенная для евреев, предусматривала временное ограничение продвижения вглубь России основной массы еврейского населения²²⁵. Правительство смотрело на это временное ограничение с точки зрения цивилизационных задач, т. е. постепенного решения вопроса предоставления свободы передвижения по мере размыкания еврейского этнорелигиозного монолита на отдельные гражданские составляющие. Подобный подход был характерен не только в отношении евреев. В целом подобные монолитные структуры внутри империи рассматривались как дестабилизирующий фактор и к ним был особый подход. Чисто формально такое сообщество подходило, с точки зрения российской власти, под определение секты (духоборы, молокане, хлысты и др.) с их сугубой замкнутостью и особой подчиненностью религиозным лидерам.

Постепенное включение евреев в цивилизационное поле России позволило им перейти к развитию и движению вперед, от застывшего средневекового состояния в котором они пребывали в Польше не один век. В течение XIX в. происходило непрерывное включение евреев, в том числе Западного края, в светскую жизнь России: экономическую, культурную, политическую. И это был значительный результат цивилизационной деятельности российского правительства.

Первые существенные результаты массовой инкорпорированности евреев в российскую

²²⁰ Например, научный сборник: Столица и провинция в истории России и Польши. М., Наука, 2008. Сост. Б.В. Носов.

²²¹ Хорев В.А. Восточные «Кресы» в современной польской прозе // Столица и провинция в истории России и Польши. М., Наука, 2008. С.290.

²²² Лабынцев Ю.А., Щавинская Л.Л. Белорусское униатство и православие в жизни Адама Мицкевича // Традиции и современность. Научный православный журнал. 2007. №6. С. 61–70.

²²³ Цабан В. Русские учителя в Королевстве Польском в XIX — начале XX века (столица—провинция) // Столица и провинция... С. 206.

²²⁴ Фалькович С.М. Санкт-Петербург — центр деловой, научной, культурной и общественно-политической активности поляков в XIX — начале XX века // Столица и провинция... С. 184.

²²⁵ Черта оседлости была полностью отменена в 1917 г., после Февральской революции, но постепенная отмена ограничений происходила весь XIX и начало XX в.

жизнь стали заметны с 1870-х годов в области художественной культуры²²⁶, а к началу ХХ в. они проявились и в других сферах²²⁷. Пионерами в этом движении, как отмечает А. И. Солженицын, выступали *русские евреи*, то есть обрившие, из других районов России, а не польские, поскольку последние дольше сохраняли оппозиционность к российскому правительству и неприязнь к русским²²⁸. Вообще, по нашему глубокому убеждению, проблема национализма, ксенофобии состоит не в плохом знании этносов и религий друг о друге, как это сейчас пытаются представить в рамках западного проекта²²⁹ обучения учащихся толерантности, а в нарочитом обнажении этничности, освобождении ее от одежд культуры, подлинной религиозной духовности. Отделив церковь от государства, тогда же стали разрушать то единство государства, церкви, общества, за счет которого прежде обогащались и укреплялись каждая из этих структур. позволяло малой духовности людей, потому что терпимость — это проблема религиозная, а не культурная, и в большой степени даже аскетическая. Вера и аскетика в православной религиозной традиции активно формировала нравственность и облагораживала нравственные чувства, в том числе придавало чувству терпимости необходимую глубину и твердость. В свою очередь, в католической традиции эта задача решалась достаточно формально²³⁰. В рамках же православной цивилизационной деятельности проблема терпимости «к другим» решалась как проблема создания благоприятных условий для существования терпимости через духовно понимаемый миротворческий процесс.

Возвращаясь к проблемам западного цивилизационного рубежа, отметим, что идея «угнетения» фактически победила здесь в конце XIX в. романтическую идею «славянского братства»²³¹,

и романтизм, а значит, и *культурная доминанта*, уступили место реализму. А реализм — это уже жесткие политico-правовые отношения без романтики встречи двух культур. Несомненно, что романтическая парадигма позволила бы снять остроту политического языка, который навязывался тут России, несмотря на то, что она и при негативной раскладке сил сумела все же огромной ценой выстроить цивилизационную конструкцию, состоящую из фронтира (чисто армии) и лимитрофа (пограничного населения), длиной приблизительно в 500 км. Вот почему России пришлось проводить здесь культурную деятельность (и надо признать, весьма обширную и плодотворную²³²), но имевшую характер политической (имперской) деятельности. И потому принимаемой в штыки, несмотря на ее продуктивность. Выстроенные университеты, гимназии, театры, музеи, больницы, храмы и монастыри с их широчайшей благотворительностью и ориентацией на социальную помощь не смягчали отношения к русским, а скорее еще больше (за счет получивших образование) разжигали революционные настроения оппозиции, а с нею — и народа в каждой из пограничных областей. Примеров бескорыстной культурной помощи со стороны России не перечислить. Например, в Эстонии в 1775 г. пожар практически уничтожил Дерпт, но город был заново отстроен «за счет казны» и получил «своеобразный и цельный облик в стиле классицизма»²³³. Варшава как современный «европейский» город была отстроена именно в «российский период». Возведенный в городе в начале ХХ в. великолепный собор во имя святого князя Александра Невского, где находились монументальные росписи самых известных русских художников того времени, в том числе в. Васнецова, однако был взорван «демократической» властью

²²⁶ Солженицын А.И. Двести лет вместе (1795—1995). М., 2001. Т.1. С. 172.

²²⁷ Там же. С. 174.

²²⁸ Там же. С. 176.

²²⁹ В специальной статье мы показали, что западный проект утверждения толерантности имеет не светские, а религиозные корни — католические и протестантские. Это западная, декларируемая терпимость, не обеспеченная никакими духовными ресурсами, вот почему ее внедрение носит насилиственный характер. Терпимость навязывается другим в удобной идеологической форме. См.: Кириченко О.В. Толерантность как религиозная и нравственная проблема современности // Традиции и современность. Научный православный журнал. 2006. № 5. С. 15—41.

²³⁰ Кириченко О.В. Толерантность... С. 15—16.

²³¹ Славянофильские и панславистские идеи так и не оформились в реальный политический проект, из-за чего славяне Западной Европы не были защищены цивилизационно. Поэтому, когда восторжествовала западная *доктрина избранности*, предшествовавшая идеологии фашизма, именно славяне стали первой ее жертвой. На это указывают события в Австрии в 1914 г., когда в концлагере Тагерлоф были уничтожены свыше 30 тыс. русских славян — жителей Галиции. См.: Пашаева Н.М. Очерки русского движения в Галичине XIX—XX вв. М., 2007. С. 110.

²³² Федосова Э.П. Прибалтика, Белоруссия и Литва // Русские в Евразии. XVII—XIX. в. М., 2008. С.123, 127, 133, 153—155, 165—168, 176—178.

²³³ Там же. С. 155.

свободной Польши в 1920-е годы²³⁴. Примеры замалчивания или негативного отношения к российскому прошлому в этом регионе можно только умножать. Продолжают довлеть и сегодня многие старые мифологемы, идеологические установки, вековые традиции, хотя все перечисленные выше народы западной окраины Российской империи и обрели политическую самостоятельность.

Общие выводы. Говоря о цивилизационном пограничье, мы сводим воедино два понятия — политическое («российское государство») и духовное («русская православная цивилизация»), отсюда наши особые термины — фронтир и лимитроф. Для цивилизационного пограничья важна *этничность*. А поскольку этничность всегда подразумевает моноэтничность (акт духовной, а не просто гражданской идентификации человека), то в качестве ведущей этничности, создавшей цивилизацию и давшей ей свое имя, мы называем русских. Все другие этносы России являлись в этом цивилизационном движении участниками долгосрочного исторического «мегапроекта», принявшими эту ношу — кто добровольно, а кто нет. Но и для последних речь шла лишь о выражении лояльности их по отношению к политической власти, а не о насилиственном включении их в чуждый духовный мир. Цивилизационный проект не был строго продуманным идеологическим продуктом, поскольку он в первую очередь был детищем народным и в определенной степени стихийным. Но государство на самом раннем этапе находилось рядом с народом и вносило свою необходимую весомую лепту в рационализацию этого движения. Тем не менее зазор между «народным» и «государственным» всегда существовал, а, значит, существовали и определенные небольшие несовпадения действий и интересов.

Российское пограничье выстраивалось при большой концентрации на пограничье этнических русских, православных в разных сословно-социальных формах (казачество, крестьянства, администрации, представителей армии), но при этом здесь не было той структуры социума, которая характерна для «центра». Здесь важна была не «структура», как иерархия, а «сила», и потому на пограничье мы наблюдаем создание силового поля, а не иерархической структуры. Это обстоятельство и позволяет нам сделать вывод,

что пограничье создавалось этничностью, именно она играет тут главную роль. А учитывая, что цивилизационное пограничье — это особое духовно-культурное пространство, цель которого — миротворчество, мы вправе говорить о более широком поле действия этничности в этом пространстве. Этничность, как духовная сила, на цивилизационном пограничье выстраивает не просто политическую границу, она направлена на культурные, представительские и другие мирные цели, и за счет этого она сама облагораживается высокими смыслами и по-настоящему общечеловеческими задачами.

Те силы, которые действовали на пограничье (казачество, крестьянство, промышленники, чиновничество, армия), объединяли русскость и православие, поскольку этничность в русской традиции была самым теснейшим образом связана с религиозностью²³⁵. Русские были основной — и численно, и качественно — силой цивилизационного движения. Они вовлекли в цивилизационный труд, в стихию продвижения вперед и укоренения на новом месте множество других народов. И в этом смысле русская православная цивилизация — это коллективное детище всех народов России. Не следует забывать, что здесь многое строилось на доверии, доброжелательности и даже жертвенности. Жертвенность была важна с обеих сторон. Русские отдавали свои силы на устроение мирного пространства для других народов. Но и другие отдавали им частицы (большие или меньшие) своей идентичности, переходя на русский язык, включаясь в область русской культуры. Жертвенность приносила благие плоды и тем, и другим. Многие из народов, не имеющих письменности и высокоразвитой культурной традиции, получали возможность развивать собственную традицию, привившись сразу к древу русской культуры. Мир под властью закона, защищающего «местные народы», позволял им развиваться в благоприятной обстановке. На всех полюсах цивилизации (восточном, северном, южном) за несколько столетий (и особенно в XIX в.) произошли колоссальные изменения. Этот факт нельзя не признать! Мы вправе говорить о том, что был создан тот самый культурный, цивилизационный лимитроф, который позволял существовать плодотворному миру — миру, обеспечивающему развитие этих народов.

²³⁴ Лабынцев. Ю.А., Щавинская Л.Л. В Варшаве 80 лет назад // Очаковская церковно-приходская газета. М., 2006. №. 21 С. 21–24.

²³⁵ Буганов А.В. Русские и их враги, союзники, соседи // Громыко М.М., Буганов А.В. О воззрениях русского народа. М., 2000. С. 504.

«Две молитвы — разрешающая и разрешительная»
Диптих В. Янтарева

Предсмертная исповедь Пушкина (вверху).
Отпевание А.С. Пушкина. Храм Спаса Нерукотворного. (нижняя картина).
Диптих В. Янтарева

Существовали свои особенности, в том числе сходство и разница в представителях сил на пограничье. Явно, что пионерами на всех трех выше указанных направлениях были казаки. Важной нам представляется точка зрения краснодарского историка и этнографа О. В. Матвеева на саму роль казачества в период, как он называет, «имперостроительства», т. е. процесс, который мы именуем цивилизационной деятельностью.

Изложим подробно его концепцию²³⁶. «С точки зрения имперостройтельной функции казаки как народ сложились именно в Империи, в героике ее построения, в походах за ее расширение, в подвигах ее защиты». Место крестьянства — идти за казаками. Также казаки являются связующим звеном с нерусскими народами. Важна мысль автора и о социальном составе гражданской колонизации Кавказа, тех, кто потом вился в казачество. Автор говорит об однодворцах, как основной категории земледельцев-переселенцев. В ментальности казачества, как защитников рубежей христианской империи, есть зерно того рыцарского духа, которое было и в Западной Европе как реакция на конкисту.

Итак, именно казачество, как особая группа в русском народе, было наиболее мобильно и контактно с другими этносами²³⁷ и даже государстваами²³⁸. В то же время казачество, если оно жило компактно, не отказывалось от своей православной веры и своей русскости²³⁹, было плацдармом для дальнейшего цивилизационного устроения. Вот почему его миссией в период складывания цивилизационных границ было не просто политическое или военное отстаивание границ, но установление контактов с другими народами.

Второй цивилизационной силой на пограничье была армия (и в лице ее — государство), поначалу служилые люди и стрельцы, а потом, в послепетровское время, — регулярные войска. Задачей армии являлось создание и удерживание (или перемещение) фронтира — подвижной политической границы. В армейские части порой включали и казачество, но, как правило, последнее все же было иррегулярной составляющей российской армии. Когда отпадала необходимость в присутствии армии, на ее место ставили

казачество, передавая ему частично регулярные армейские функции, как это было в Оренбуржье в начале XIX в.

Третья цивилизационная сила — сами переселенцы, большей частью состоявшие из крестьян и частично из промышленников. Сюда вливались те группы казаков, которые оседали на землю и переставали перемещаться вслед за армией. Переселенцев-крестьян могли использовать и в других целях — перевести в казаки, что активно происходило на Северном Кавказе, или сделать рабочими на горнорудной фабрике, как это было на Урале и на Алтае.

Церковь и вера выступали духовной скрепой для всех указанных сил, поскольку именно вера служила необходимой идеальной мотивационной доминантой, а Церковь создавала условия для религиозного выживания и формировалась ту необходимую цивилизационную почву, которая становилась пригодна для всех, независимо от вероисповедания. При этом с точки зрения цивилизационного процесса не было необходимости воцерковлять все народы, входящие в Россию. Если и бывали ошибочные решения действовать силой в этом направлении, то они были временными (единичными случаями или кратковременными), но в целом ни Русская Православная Церковь, ни Российское государство не ставили себе цели насилиственного воцерковления народов, считая вопрос веры делом добровольным.

Важны выводы и касательно особенностей Востока, Юга и Запада. По сути, России пришлось создавать три разных модели на каждом из трех направлений, и это тоже указывает на благие цивилизационные возможности. Политическое государство на это не способно. На восточном направлении, для преодоления главной проблемы — «тотальной несвободы» местного населения, на первый план выходят две составляющие — хозяйственная (экономическая) и церковная, которые здесь определяют лицо русской цивилизации. На южном направлении, где стояла проблема ликвидации набеговой практики, на первый план выступала культурная составляющая. На западном направлении, преодолевая сепаратизм, российское правитель-

²³⁶ Матвеев О. В. Явление казачества в истории и культуре России... С. 10–24.

²³⁷ Нарожный Е. И. О „рязанской версии“ И. Д. Попко в ранней истории казачества на Тереке (Некоторые историко-археологические реалии) // Памяти Ивана Диомидовича Попки: Из истории прошлого и духовного наследия северокавказского казачества. Краснодар, 2003. С. 11.

²³⁸ Яркий пример тому — Турция и Австрия.

²³⁹ Классическое «мы не русские, мы — казаки» нисколько не противоречит другим свидетельствам. По отношению к крестьянам — русским и украинским переселенцам на Кавказ — казаки считали себя казаками, а вот в другой ситуации не грешно было сказать, что «я — русак».

ство вынуждено было действовать сугубо политическими методами. При этом территориально самая большая цивилизационная граница сложилась на востоке, потом идет запад, и на третьем месте — юг. На наш взгляд, такое положение сложилось в силу существования разных соседей на каждом из этих направлений. На востоке Россия, по большому счету, граничила с другими цивилизациями — Китаем и Индией. Но большее политическое значение в этом цивилизационном противостоянии имел все же Китай. Цивилизационное соседство всегда создает прецедент стабильности и определенности во всем: это четкий политический регламент, дипломатические договоры, огромное межцивилизационное (буферное) пространство, которое не дает возможности двум соседям принимать скороспелые решения.

Ни с кем другим Россия больше не имела такого пограничья — ни на юге, ни на западе. На южном направлении мусульманский мир так и не сложился в цивилизацию. Тем не менее он обладал способностью интегрироваться в цивилизационную структуру, как показывает опыт российских мусульман. И в этом смысле у ислама, на наш взгляд, мировая перспектива состоит в интеграции в иные цивилизационные структуры или же, по примеру Европы и США, — в создании искусственной цивилизации.

На западе, как и на юге, у России не оказалось цивилизационного партнера, но было постоянное многовековое политическое и религиозное противостояние католическому и протестантскому Западу. Именно Запад навязывал России (несмотря на одну, казалось бы, формально общую религиозную идентичность) постоянное жесткое политическое противостояние и нередко военную агрессию. Со стороны России главной цивилизационной формой отношений с Западом стала политическая, т. е. язык армии и дипломатии. Вот почему и пограничье здесь выстраивалось больше политическими методами, в противостоянии и конфронтации с соседними государствами и народами.

Проведенное нами исследование позволяет выделить некоторые общие принципы, характеризующие русскую православную цивилизационную деятельность на пограничье:

1. Эта цивилизационная модель действует в онтологических рамках двух противоположных антагонистических понятий — «бытие-и-небытие», а не «цивилизация (культура) — варварство»,

как это принято в западнохристианской традиции — у католиков и протестантов. Западный мир не сумел создать органичной цивилизации по той причине, что, искажив христианское учение, он отошел и от правильного понимания дела миротворчества²⁴⁰. Для Запада миротворчество всегда оставалось сугубо политическим, меркантильным процессом на внешней арене и правовым — на внутренней.

Православный цивилизационный дискурс выдвинул на первый план понятие «бытие». Создание бытия, целостного и взаимозависимого предполагает создание мира, находящегося в рамках господства православной духовности. Внутри бытия для православных христиан реализуется возможность вести мирную церковную жизнь ради спасения души, для инославных граждан России — пользоваться плодами мира для своего блага. Но это благо не должно противоречить благу других. «Инебытие» — не философское, а скорее, онтологическое понятие, означающее признание другого мира и выстраивание с ним цивилизационных отношений, независимо от модели другого мира. Однако заметна разница этих отношений. С нехристианскими цивилизациями у православной цивилизации одна стратегия и тактика общения, с нецивилизациями — другая. История показывает, что у русских людей уже в период средневековья (Московская Русь) была необыкновенная тяга к восточным странам и в первую очередь к цивилизациям Индии и Китая. Цивилизации влекли своей «загадкой», загадочной силой, неутилитарной сложностью протекания их культурного и социального бытия, влекла тайну души людей восточных цивилизаций.

2. Духовным фундаментом православного миротворчества была особенность понимания мира и мира. В Евангелии многоократно подчеркивается эта разница: «Мир Мой даю вам, а не тот мир, который мір дает» (Ин. 14, 27); «Сие сказал Я вам, чтобы вы имели во Мне мир. В міре будете иметь скорбь; но мужайтесь: Я победил мір» (Ин. 16, 33); «Блаженны миротворцы, якоти сынове Божии нарекутся» (Мф. 5, 9); «Мір лежит во зле» (Ин. 5, 19); «Мір любит свое» (Ин. 15, 19); «Не любите міра, ни того, что в міре: кто любит мір, в том нет любви Отчей, Ибо все, что в міре: похоть плоти, похоть очей и гордость житейская, не есть от Отца, но от міра сего. И мір проходит, и похоть его, а исполняющий волю Божию пребывает вовек» (Ин. 2, 15—17).

²⁴⁰ Павлова Т.А. Протестантизм и миротворческая деятельность в XVI—XX веках // Матер. междунар. конф. «Христианство на пороге нового тысячелетия» (Москва, 20—22 июня 2000 г.) Ч. II. М.; Воронеж, 2000. С. 260—265.

Святитель Феофан Затворник в одном из Слов дает следующие признаки «духа міра»: «Дух міра есть дух вражды на Бога... Дух міра есть дух взаимного между людьми охлаждения, разделения и враждования.... Дух міра есть дух всесторонних похотствований... Дух міра, наконец, есть дух гонения и преследования всего святого, небесного и божественного». Православная цивилизация созидала «Мир» и защищала в первую очередь «мир в Боге и мир с Богом, со Христом», как высшую духовную ценность. Но при этом допускалось существование рядом лежащего «мира во зле». Его существование оправдывается многими евангельскими словами (притчи о пшенице и племенах, о заблудшей и найденной овце, о блудном сыне, о мытаре и фарисее и т. д.), что указывает на сотрудничество с ним, возделывание его. Обозначим этот принцип как *принцип «защиты добра мира и возделывания мира зла»*.

3. Третий принцип исходит из разницы понимания евангельского «мира» и «войны». В Евангелии Сам Христос говорит о мире, как благодати, которую Он Сам и христиане, апостолы в первую очередь, приносят людям. Также известны слова Христа «Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч» (Мф. 10, 34), и далее идут слова о разделении между мужем и женою, между дочерью и матерью и т.д. Христианин несет «не мир, но

меч», как инструмент разделения там, где людей перестает объединять Бог, а остаются только чувственные, родственные и иные земные привязанности. Антиномия «мира как благодати» и «не-мира (меч) как праведного суда», позволяет сделать вывод о том, что «мир» как некое качественное состояние между людьми — «с благодатью» и «без благодати» — требует вмешательства, когда он теряет свое качество. Это принцип отделения добра от зла не мирно, но силой. У русских крестьян сложилось четкое устойчивое понятие «мир», как полнота коллективности, как основа правопорядка, нравственности. И в этом смысле церковная духовная абстракция «мира» приобрела в народе вполне осозаемую форму.

Итак, для миротворческой деятельности необходимо было созидание бытия и отделение его от и nobытия, далее следовал терпеливый мирный труд ради сохранения мира (Церкви и веры) и возделывания міра, через апостольство осуществлялись жертвенный труд ради спасения других и отделение силой добра от зла.

На цивилизационном пограничье миротворческая деятельность состояла в создании особого пояса *мира* (мы обозначили его как лимитроф и фронтир), благодаря которому цивилизация не только защищала свои ценности, но и создавала среду мирного существования для всех не исповедавших ее духовные ценности.

